

W $\frac{102}{344}$

А. О. Кони.

ПАМЯТИ ТУРГЕНЕВА.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской
Академіи Наукъ 1 марта 1909 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., М 12.

1910.

А. Е. Кони.

ПАМЯТИ ТУРГЕНЕВА.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской
Академіи Наукъ 1 марта 1909 г.).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1910.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Май, 1910 года. Непремѣнный Секретарь, Академикъ С. Ольденбургъ.

56031-58

Отдѣльный оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ, т. XIV (1909 г.), кн. 4.

Памяти Тургенева.

(Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 1 марта 1909 г.).

Когда, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со смерти и пятидесятилѣтія со дня рожденія Ивана Сергѣевича Тургенева, Академія Наукъ возложила на меня обязанность сказать слово въ память покойнаго писателя, я былъ въ немаломъ затрудненіи. Чтò можно сказать новаго о художникѣ слова, который былъ не только глубокимъ выразителемъ думъ, чувствъ и надеждъ русскаго человѣка, но и обаятельнымъ изобразителемъ его быта, его душевныхъ свойствъ и той сѣрой, но милой сердцу природы, среди которой ему приходится жить?! Не все ли по этому поводу уже сказано въ отдѣльныхъ очеркахъ, цѣлыхъ лекціяхъ, курсахъ и критическихъ статьяхъ? И можно ли вообще что-либо прибавить къ оцѣнкѣ, сдѣланной на одрѣ болѣзни знаменитымъ Тэнномъ, который, въ виду уже близкой смерти, находилъ наслажденіе въ слушаніи повѣстей Тургенева и опредѣлялъ его, какъ художника наиболѣе совершеннаго между тѣми, кто писалъ послѣ грековъ, — съ которымъ никто не можетъ сравниться въ строгомъ выборѣ матеріала, въ правильности и скульптурной красотѣ формъ, при чемъ каждая изъ его маленькихъ повѣстей напоминаетъ безупречную античную камею? Можно бы, пожалуй, разработать вопросы объ отношеніи Тургенева къ нашей текущей жизни и о томъ, въ чемъ состоятъ и чѣмъ являются для насъ его нравственные завѣты. Но, эта задача выпала на долю моего товарища по Академіи Н. А. Котляревскаго, и мы только-что слышали, какъ тонко и вдумчиво онъ ее

осуществилъ. Одно обстоятельство выводитъ меня однако изъ затрудненія. Перелистывая письма Тургенева къ Некрасову, я нахожу между ними, въ относящихся въ первой половинѣ 50-хъ годовъ, письмо съ вопросомъ Тургенева редактору «Современника» о томъ, кто такой авторъ «Дѣтства и Отрочества» и что за человекъ тотъ Л. Н. Т., къ которому слѣдуетъ отнести съ особеннымъ вниманіемъ, потому что это — «талантъ надежный». А въ 1847 году Гоголь пишетъ Анненкову: «Изобразите мнѣ портретъ Тургенева, чтобы я получилъ о немъ понятіе, какъ о *человѣкѣ*; какъ писателя, я уже отчасти его знаю: сколько могу судить по тому, что прочелъ, талантъ въ немъ замѣчательный и общаетъ большую дѣятельность въ будущемъ». Вотъ — и выходъ изъ моего раздумья. Можно попробовать установить представленіе о Тургеневѣ, какъ о личности, взглянуть въ его душевный міръ и въ его отраженіе на окружающей общественной средѣ, т. е. взглянуть на Тургенева, какъ на человека въ частной жизни и въ работѣ на пользу родины.

Для этого въ нашемъ распоряженіи довольно много матеріала: прежде всего автобіографическія данныя, содержащіяся въ сочиненіяхъ Тургенева, — затѣмъ различныя воспоминанія о немъ, — его письма, болтливые рассказы *друзей* и отзывы *враговъ*. Последнихъ у Тургенева было немало, что и понятно относительно такого человека, ибо безъ собственного и при томъ выдающагося содержанія нельзя вызвать къ себѣ ни любви, ни ненависти. Для того, чтобы зажечь сердца однимъ изъ этихъ чувствъ, нуженъ огонь, носимый въ собственной душѣ. При томъ — какъ сказалъ князю Вяземскому Киселевъ — «человѣкъ вѣдь не червонецъ, чтобы его *все любили*». Еще Пушкинъ вѣрно замѣтилъ, что «умъ, любя просторъ — тѣснить; и пылкихъ душъ неосторожность самолюбивую ничтожность или оскорбляетъ, или смѣшитъ». Это дѣйствіе ума и пылкой души простирается иногда не на одну ничтожность, такъ какъ узкое и мелкое самолюбіе, къ несчастію, бываетъ свойственно и очень крупнымъ людямъ. Мягкій и довѣрчивый по характеру и образу дѣйствій, Тургеневъ однако не поступался своими искренними убѣжденіями и серьезно выработанными взглядами и не склонялъ свою выю безъ критики передъ тѣми, кто претендовалъ на общее признаніе. Онъ не былъ никогда «жрецомъ минутнаго, поклонникомъ успѣха». Недаромъ его очень часто изображаютъ

въ воспоминаніяхъ — оживленно спорящимъ, и нерѣдко въ проницательномъ тонѣ. Логическія и нравственныя уродливости въ людяхъ, встречаемыхъ имъ на жизненномъ пути, воспринятія его впечатлительнымъ умомъ, выливались у него въ форму насмѣшливыхъ прозвищъ, эпиграммъ и крылатыхъ словечекъ, которые затѣмъ съ поспѣшнымъ злорадствомъ разносились разными дружественными вѣстовщиками по адресу. Въ этомъ отношеніи Тургеневъ могъ сказать про себя словами русской поговорки: «языкъ мой — врагъ мой» — и при этомъ не въ томъ смыслѣ, какъ это говорилъ про себя одинъ чиновникъ, блестящая карьера котораго была испорчена влѣдствіе опалы, постигшей его принципала. «Уста мои — враги мои!» — восклицалъ онъ въ горести, а на недоумѣвающий вопросъ вразумительно отвѣчалъ: «тридцать лѣтъ *не ту* руку лобызали». Отъ мстительной оцѣнки и необоснованныхъ укоровъ со стороны враговъ теперь почти ничего и не осталось, кромѣ воспоминаній о недоброжелательной подозрительности Гончарова, развившейся на почвѣ болѣзненного сопернованія, и нѣсколькихъ страницъ въ «Бѣсахъ» Достоевскаго, имѣющихъ видъ злобнаго памфлета, не дѣлающаго чести его великому автору.

Но зато *друзья* вполне осуществляли по отношенію къ Тургеневу испанскую поговорку: «избави меня Богъ отъ друзей, а съ врагами я самъ справлюсь». Ему мало приходилось отъ нихъ слышать словъ одобренія и ободренія въ трудныя минуты жизни, когда такъ нужно бываетъ найти дружескую опору. Изящное опредѣленіе дружбы, сдѣланное Шиллеромъ: «о Du-Du die alle Wunden heilest, der Freundschaft zarte, liebe Hand», далеко не вполне было примѣнимо къ Тургеневу. Его *заграничныя* друзья были скорѣе пріятелями, не имѣя съ нимъ ни общаго прошлаго, ни языка, ни пережитаго, а его *русскіе* друзья... ихъ рука подчасъ бывала совсѣмъ не нѣжной и не только не залѣчивала душевныхъ ранъ, но съ холоднымъ любопытствомъ копалась въ нихъ и «къ первѣе наложеннымъ» прилагала новыя раны, съ торопливымъ участіемъ и словами безплоднаго негодованія сообщая о всемъ томъ, что способно было больно уязвить душу писателя. Конечно, были исключенія, но даже лучшіе изъ друзей «разъясняли» ему менторскимъ тономъ недостатки и промахи въ его произведеніяхъ, наводя этимъ его на напрасныя сомнѣнія въ себѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ тотъ изъ лучшихъ его друзей, который нахо-

диль, что удивительная по отѣлкѣ, цѣльности и жизненности глава о «Оимушкѣ и Оомушкѣ» въ «Нови», заставляетъ чувствовать напряженіе, излишекъ головной работы, даже робость и должна быть признана неумѣстной, съ чѣмъ смиренно соглашался обезкураженный Тургеневъ. Экспансивный и довѣрчивый по натурѣ, Тургеневъ легко и, повидимому, поспѣшно завязывалъ отношенія близкой дружбы съ людьми, которые не всегда этого стоили, очевидно забывая, что слишкомъ тѣсная дружба съ людьми, съ которыми не съѣдено пуда соли, бываетъ похожа на тонкую и хорошую гравюру, которую слишкомъ часто держишь въ рукахъ, захватывая ея края пальцами и незамѣтно портя ея первоначальную красоту. Въ приливахъ незаслуженной откровенности Тургеневъ не щадилъ себя, и даже любилъ изображать себя въ смѣшномъ видѣ или затруднительномъ положеніи. Онъ забывалъ совѣтъ Талейрана: «никогда не говори о себѣ дурно: друзья и безъ того достаточно о тебѣ наговорятъ». Вслѣдствіе этого «друзья» зачастую судили его не по возвышеннымъ минутамъ проявленія его духовной природы, а по мелочамъ, промахамъ и настроеніямъ ежедневности. Не только Головачева-Панаева, сводившая съ нимъ, въ недо-стовѣрныхъ по самой своей формѣ воспоминаніяхъ, счеты уязвленного и озлобленного самолюбія, но и Анненковъ, и даже Фетъ, мемуары котораго представляютъ удивительное смѣшеніе идеаловъ Скалозуба съ истинной поэзіей — и тихой грусти крѣпостника о невозвратномъ съ философскими афоризмами, — не щадятъ его. Когда сопоставляешь такія воспоминанія съ полными трогательной откровенности письмами Тургенева къ ихъ авторамъ, то невольно приходитъ на умъ тотъ умудренный жизнью человѣкъ, который подписывалъ свои письма словами «*преданный Вамъ..*», объясняя опущеніе твердаго знака тѣмъ, что до поры до времени онъ обыкновенно не знаетъ, преданъ ли онъ тому, кому пишетъ, или преданъ *тѣмъ*, кому пишетъ.

Драгоценный матеріалъ для сужденія о Тургеневѣ даютъ его письма. Въ нихъ не только сказывается великій русскій писатель со своими печалями и страданіями, съ отношеніемъ къ родинѣ, къ жизни и смерти, къ искусству и творчеству и наконецъ къ самому себѣ и друзьямъ, но и блещитъ его юморъ и тихо свѣтится задушевная грусть, сопровождавшая его, повидимому, всю жизнь. Тутъ нѣтъ ничего сочиненнаго или придум-

маннаго, нѣтъ присущаго пишущимъ для публики самолюбованія и желанія выразиться поумнѣй и покрасивѣй. Это совершенно интимныя письма, набросанныя наскоро и переполненные множествомъ подробностей, не имѣющихъ никакого общаго интереса или значенія. Въ нихъ Тургеневъ, говоря о томъ или другомъ, незамѣтно для себя *свидѣтельствуетъ* о самомъ себѣ.

Говоря объ общественной дѣятельности или, вѣрнѣе, объ общественныхъ заслугахъ Тургенева, невольно приходится остановиться на его дѣтствѣ и ранней молодости. Они были очень тяжелы, безъ теплаго привѣта, безъ ласки и внимательнаго отношенія къ воспріимчивой душѣ ребенка и къ впечатлительному сердцу отрока. Онъ имѣлъ полное право сказать словами Некрасова: «ничѣмъ я въ дѣтствѣ не плѣненъ — и никому не благодаренъ!» Въ карамазовской до извѣстной степени обстановкѣ помѣщицкѣй усадьбы въ Спаскомъ-Лутовиновѣ царила жестоко и властно мать Тургенева, невольное воспоминаніе о которой сквозить въ его словахъ о помѣщицѣ въ «Муму» — «День ея нерадостный и ненастный давно прошелъ, но и вечеръ ея былъ чернѣе ночи». Отецъ писателя «красавецъ-мужчина», поправившій свои дѣла женитьбой на богатой некрасивой дѣвушкѣ, былъ человѣкъ равнодушный ко всему и въ томъ числѣ къ дѣтямъ. Ограничась относительно ихъ ролью чистокровнаго производителя, онъ покорно склонялъ свою выю подъ иго жены. Его совершенно обезличила и обезволила эта женщина — образованная, мстительная, виртуозная по части жестокихъ оскорбленій подвластнымъ — будутъ ли это дѣти или дворовые — и сводившая на измученной и подавленной душѣ и на спинѣ своихъ крѣпостныхъ свои счеты съ судьбою, пославшей ей угрюмую и тяжелую молодость. Безхитростныя воспоминанія Житковой содержатъ рядъ картинъ, рисующихъ то утонченное сладострастіе мучительства окружающихъ, которымъ она вознаграждала себя за отсутствіе любви и ласки въ молодости. Крѣпостное право отражалось не на однихъ крестьянахъ: оно наносило удары и вверхъ и въ стороны, принижая однихъ, растлѣвая другихъ, оскорбляя третьихъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ Тургеневъ. Ежедневныя мелкія и крушныя злоупотребленія помѣщицкѣй властью оставляли въ его душѣ незаживавшіе нравственные рубцы и наконецъ переполнили его сердце праведнымъ гнѣ-

вомъ. Этотъ гнѣвъ нашель себѣ могучаго союзника въ великомъ талантѣ писателя и помѣшалъ ему, подобно многимъ изъ его современниковъ, искать утѣшенія въ философской формулѣ, что «все существующее разумно», или отдаться безмятежному служенію «чистому искусству». Сквозь «шопоть, робкое дыханіе» ему слышались заглушенные рыданія и стоны людей, обращенныхъ въ вещи, которыми можно торговать и уплачивать карточные долги. Поэтому, когда онъ сталъ «смятенія и звуковъ полнъ», это смятеніе вызывалось въ немъ не «трелями соловья и серебромъ и колыханіемъ соннаго ручья», а созерцаніемъ рабскаго ига, которымъ, по выраженію Хомякова, была клеймена Россія, а звуки эти были голосомъ сильнѣйшаго негодованія. Объясняя свое раннее (въ 1847 г.) *бѣгство* за границу, Тургеневъ самъ говоритъ: «я не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ; мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшилъ бороться до конца — съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя Аннибаловская клятва».

Но вопросъ о готовности на эту борьбу со стороны писателя тѣми чудными средствами, которыя были даны ему судьбою, влекъ за собою другой: «какъ бороться?» Крѣпостное право, несмотря на свое безобразіе, было не только однимъ изъ «устоевъ» современнаго ему общественнаго устройства, имѣвшимъ по своему значенію право войти въ качествѣ четвертаго члена въ пресловутую трехчленную формулу Уварова, но представлялось глубокимъ бытовымъ и органическимъ явленіемъ. Оно было сильно не только само по себѣ, но и помощью неожиданныхъ союзниковъ извнѣ. Если нельзя считать серьезными и искренними предположенія объ его уничтоженіи со стороны Александра I въ тѣ минуты, когда «сфинксъ, неразгаданный до гроба», начиналъ сентиментально «любить человечество» и послѣ того, какъ заступившись за *черныхъ* невольниковъ на лондонскомъ конгрессѣ, вспомнилъ, что и у него въ Россіи существуютъ *бѣлые* невольники, — то совсѣмъ нельзя того же сказать про императора Николая I. Послѣдній искренне желалъ освободить Россію отъ позора, ко-

торый, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, носилъ названіе *права*. «Я не понимаю, — говорилъ онъ: — какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ — съ другой. Этому должно положить конецъ!» Онъ ясно сознавалъ тотъ вредъ матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда — раболобныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, на ряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми съ смѣлостью своекорыстія — и наконецъ, въ особенности, тревожныя впечатлѣнія, вызванныя неожиданнымъ внѣшнимъ союзникомъ крѣпостного права — западно-европейскими событіями 1848 и 1849 гг. — парализовали волю монарха, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ, всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, не только избѣгалъ рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и не высказывался вполне опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи*. Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но *захотѣлъ* этого и въ такомъ смѣслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю — не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею «келейностью», и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ челоуѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Поэтому нападать на крѣпостное право, рисуя обратную сторону, т. е. глубокое безправіе массы и широкое поле для возможности злоупотребленій было бесполезно; обращаться къ уму читателей и къ тому, что составляетъ *fundamentum regni*, къ необходимости справедливости въ отношеніяхъ между членами государства т. е. дѣйствовать логическими доводами или взывать къ совѣсти — не стоило: зло слишкомъ

глубоко въѣлось и стало большинству казаться естественнымъ и, какъ законы природы, непреложнымъ явленіемъ. Для воспріятія логическихъ доводовъ нуженъ воспріимчивый и непредубѣжденный умъ, а совѣсть... какъ часто и въ отдѣльныхъ лицахъ и въ цѣлыхъ общественныхъ слояхъ она спитъ или, въ лучшемъ случаѣ, дремлетъ!—Оставалось дѣйствовать на чувство. И такъ какъ большинство мыслить образами, то въ этой области и надо было почерпнуть оружіе для своего воинствующаго творчества. Недаромъ Гоголь совѣтовалъ: «Заговори съ обществомъ на мѣсто жаркихъ разсужденій живыми образами, которые, какъ полные хозяева, входятъ въ души людей, и двери сердець раскроются сами къ принятію ихъ, если только почувствуютъ, хоть каплю почувствуютъ, что они взяты изъ нашей природы, изъ того же тѣла». Поэтому и воевать слѣдовало *художественными образами*, почерпнутыми изъ крѣпостного быта и нравовъ.

Чѣмъ же связать, проникнуть и одухотворить эти образы? *Ненавистью?*.. Но для того, чтобы проповѣдь ненависти нашла себѣ благоприятную въ обществѣ почву, необходимо, чтобы самая ненависть была уже въ зачаткахъ посѣяна въ массѣ лицъ и во всякомъ случаѣ подготовлена предшествующимъ презрѣніемъ къ тому или другому явленію, т. е. тѣмъ чувствомъ, которое вѣрно характеризуетъ Луи Бланъ, говоря, что *«le mépris c'est la haine en repos»*. Только въ этомъ случаѣ задача художника или публициста собрать разсѣянную ненависть воедино и дать ей кристаллизаться вокругъ одного представленія — можетъ быть успѣшна... Или призвать «музу пламенной сатиры»?.. Но если часто *«difficile est satiram non scribere»*, то у насъ въ то время, когда Тургеневъ выступилъ противъ крѣпостного права, было гораздо чаще *«difficile satiram scribere»*, потому что цензура того времени была подозрительна и труслива, тупа и невѣжественна. Оставалось чувство, противоположное ненависти: *любовь*, которою такъ многое можно взять тамъ, гдѣ безсильны или недопустимы проклятія негодованія. Вооруженный этою любовью, какъ бы слѣдуя будущимъ словамъ Некрасова: «иди къ униженнымъ, иди къ обиженнымъ и будь имъ другъ!», выступилъ Тургеневъ на обличеніе крѣпостного права. Эта любовь къ крѣпостному чловѣку, — къ крестьянину и дворовому, — ничѣмъ не задуваемая, яркая и

согрѣвающая свѣтится на всѣхъ страницахъ «Записокъ охотника». Она вливается въ душу читателя и несомнѣнно заставила многихъ добрыхъ и порядочныхъ, но близорукихъ или ослѣпленныхъ людей прозрѣть и, почувствовавъ въ каждомъ изъ незамѣтныхъ героевъ «Записокъ охотника» — брата, почуять въ крѣпостномъ складѣ жизни своего нравственного врага. Такой смыслъ имѣли эти и близкіе къ нимъ по содержанию, незабвенные рассказы и для вдумчивыхъ людей со стороны. Достаточно сказать, что Карлейль называлъ «Муму» самую трогательною повѣстью въ свѣтѣ. Вліяніе «Записокъ охотника» и этой повѣсти было равносильно ихъ значенію. Есть слова, вырывающіяся изъ сердца и заставляющія безсильно опустить руки; есть другія, вливающія въ него благотворное чувство обновленія. Къ первымъ относятся роковыя — *поздно* и *тщетно*; ко вторымъ — *жалко* и *стыдно*. «Записки охотника» вонзились, какъ стрѣла, въ сердце читателей: послѣднимъ сдѣлалось жалко, имъ стало стыдно... Но, къ счастью, еще не было поздно. Есть несомнѣнное свидѣтельство, что наслѣдникъ престола читалъ «Записки охотника» и правильно оцѣнилъ вложенную въ нихъ мысль. Онъ самъ объ этомъ впоследствии приказалъ передать Тургеневу. Конечно, не одно это чтеніе подвигло Александра II на великое дѣло освобожденія крестьянъ, но Тургеневъ имѣлъ полное основаніе сказать про великодушное рѣшеніе государя, принятое вопреки всевозможнымъ противодѣйствіямъ, настойчиво и рѣшительно — «и моего тутъ меду капля есть» — и капля большая. «Теперь крѣпостное право, — писалъ въ 1862 году Салтыковъ-Щедринъ — какой-то тяжкій и страшный кошмаръ, въ которомъ давящій и давимый были равно ужасны, — кошмаръ, отъ котораго избавило великое прекрасное слово Царя-Освободителя... Да, оно одно!» Я радуюсь привести эти слова нашего сатирика теперь, сегодня, въ скорбный день, когда многострадальный образъ Александра II съ особой яркостью возникаетъ предъ всѣми, кто знаетъ, кто самъ видѣлъ то, что онъ сдѣлалъ для Россіи и чѣмъ она ему обязана. Но и заслуга Тургенева — какъ идейнаго подготовителя великаго дѣла — не можетъ и не должна быть забыта. Онъ имѣлъ полное право плакать умиленными слезами душевнаго удовлетворенія на молебнѣ, заказанномъ имъ въ Парижѣ по поводу 19 февраля 1861 года, вмѣстѣ со старикомъ-декабристомъ княземъ Волконскимъ. —

«Для твоего памятника,—сказаль, провожая прахъ Тургенева въ Россію Edmond About (Эдмондъ Абу): — достаточно будетъ обрывка цѣпи, брошеннаго на могильную плиту; твое честное самолюбіе было бы удовлетворено такимъ мавзолеемъ, и этотъ символъ громко говорилъ бы о томъ, что ты сдѣлалъ для своей родины».

Эта общественная заслуга нашего писателя имѣла и другую сторону. Подрастающее молодое поколѣніе въ большихъ русскихъ городахъ и въ особенности въ Петербургѣ—дѣти чиновниковъ, купцовъ, людей свободныхъ профессій и т. п. — получали очень смутное, а подчасъ и никакого представленія о народѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Рѣдкое соприкосновеніе съ извозчиками и людьми отхожихъ промысловъ не могло дать имъ яснаго представленія о русскомъ крестьянинѣ и безправныхъ условіяхъ его быта. Имъ рассказывались анекдоты про «мужика» и вмѣстѣ съ тѣмъ внушалось, что огромная крестьянская масса можетъ и должна быть довольна своимъ внутреннимъ благоденствіемъ и попечительной о немъ заботой, а для внѣшнихъ враговъ представляетъ исполинскаго богатыря, страшная мощь котораго заключаетъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ «побѣдъ и одолѣній». На сценѣ и въ текущей литературѣ, за исключеніемъ Григоровича и отчасти Даля, крестьянинъ игралъ лишь эпизодическую и не заставлявшую задумываться роль, а псевдо-народный языкъ, которымъ говорили изрѣдка выводимые въ разсказахъ и повѣстяхъ «простолюдины», напоминалъ дѣланый языкъ прокламацій графа Растопчина, которыми онъ думалъ успокоить московскихъ жителей при надвинувшейся на Москву опасности, наканунѣ вступленія Наполеона. А въ театральныхъ афишахъ была даже, послѣ перечисленія дѣйствующихъ лицъ, особая рубрика, носившая названіе «гости и пейзаны». Благодаря этому умышленному, а подчасъ и бессознательному закрыванію глазъ на дѣйствительность, городская молодежь, не принадлежавшая къ помѣщичьему классу, въ сущности не была знакома съ крестьяниномъ и не вѣдала ничего о его страданіяхъ. А между тѣмъ эта молодежь въ огромномъ большинствѣ шла на службу и, наполняя столичные департаменты и канцеляріи, въ своей совокупности представляла того «столоначальника», который, по горестному сознанію императора Николая I, «управлялъ Россіей». Правда, изъ этой молодежи вышелъ и Николай Ми-

лютинъ, тотъ, по выраженію Некрасова, «кузнецъ-гражданинъ», который такъ много поработалъ въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного права. Но онъ воспитывался въ исключительныхъ условіяхъ и самъ былъ исключительнымъ человѣкомъ. Тургеневъ, а вслѣдъ за нимъ и Некрасовъ познакомили эту молодежь съ «сѣятелемъ и хранителемъ» русской земли, дали возможность заглянуть въ его душу, оцѣнить тотъ тихій свѣтъ, который въ ней горитъ, несмотря на кору невѣжества, понять его скорби и полюбить его!

Когда надъ русской землей прозвучалъ благовѣстъ освобожденія крестьянъ, Тургеневъ могъ бы сказать себѣ: «нынѣ отпускаеши»... Но онъ зналъ, что говорить это еще рано, что крѣпостное право пустило слишкомъ глубокіе, развращающіе все слои общества, корни, и что мы im Grossen und Ganzen сдѣланы изъ плохой глины: нагрѣваемся очень скоро, но жаръ хранить умѣемъ недолго. Онъ понималъ, что измѣненіе нравовъ и впитанныхъ рядомъ поколѣній взглядовъ почти всегда—и притомъ значительно—отстаетъ отъ законодательныхъ преобразованій,—и въ перестроенномъ наскоро зданіи остаются старые, лишь на время притихшіе жильцы. Горькій опытъ учить, что между самыми благотѣльными мѣрами и не только бюрократической, но и общественной средою, существуетъ глухой разладъ, трудно уловимый въ частностяхъ, но больно ощутимый въ цѣломъ. Иногда такая мѣра, такой необходимый починъ не встрѣчаютъ, повидимому, никакого сопротивленія: предъ ними все разступается, и, разсѣкая смѣлымъ ударомъ то или другое явленіе, они доходятъ до самаго его дна, казалось бы безповоротно покончивъ съ его существованіемъ. Но это лишь кажется: посмотришь—а сверху уже снова все слилось въ липкую и вязкую какъ кисель массу, и отъ разрыва не осталось и слѣда. Недаромъ Салтыковъ тревожно спрашивалъ, гдѣ гарантія въ нашемъ быту тому, что крѣпостное право не продолжало бы существовать: «Въ правахъ, что ли?—спрашивалъ онъ.— Но развѣ неизвѣстно, что славяне имѣютъ нравъ веселый, легкій и мало углубляющійся? Въ слезахъ, что ли? Но развѣ неизвѣстно, что такіе слезы капаютъ внутрь, на сердце и все накипаютъ, пока не перекипятъ совершенно?» И Тургеневъ не успокоился, а съ зоркимъ перомъ въ рукѣ принялся слѣдить за вибріономъ крѣпостничества, указывая на него

русскому читателю. Рисуя въ «Дымѣ» и «Нови» злобное шипѣніе и готовность на тайныя козни противъ великихъ реформъ Александра II, онъ влагалъ въ уста нѣкоторымъ изъ своихъ героевъ такія рѣчи: «Надо передѣлать все сдѣланное... и 19 февраля—насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas, и когда омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, должно предостерегать, должно говорить съ почтительной твердостью: воротитесь, воротитесь назадъ»!... Рисуя рядомъ съ этимъ въ той же «Нови» хожденіе въ народъ, онъ скорбѣлъ о безплодной растратѣ силъ частью нашей молодежи для достиженія неясныхъ въ способъ своего осуществленія цѣлей, среди равнодушія однихъ, злорадства другихъ и непониманія третьихъ, но онъ не отрицалъ въ этой части искренняго желанія помочь народу и, изображая болѣзненное проявленіе общественной потребности, ненаходившей себѣ нормальнаго исхода, умѣлъ отнестись къ жертвамъ такого положенія не съ бездушнымъ осужденіемъ а съ пониманіемъ и состраданіемъ вдумчиваго художника. Убѣжденный поклонникъ постепеннаго общественнаго развитія, безъ судорожныхъ прыжковъ впередъ и боязливыхъ отступленій назадъ, мягкій по складу своей души, Тургеневъ никогда не впадалъ въ рабскую лесть ни предъ толпой, ни предъ отдѣльными группами или лицами. Въ его сочиненіяхъ, затрогивающихъ иногда очень острые вопросы современности, господствуетъ, если можно такъ выразиться, *художественное правосудіе*. И онъ, съ одинаково-глубокимъ безпристрастіемъ, на ряду съ Кукшиной, Степанчиковой и Губаревымъ изображалъ покрытую внѣшнимъ лакомъ цивилизаціи группу подъ дубомъ Бадень-Бадена и Каломейцева изъ «Нови». Напротивъ, своими твореніями онъ со всею силою своего таланта предостерегалъ противъ лукаваго льстеца, который, по словамъ Пушкина, «на царя бѣду накличетъ и изъ его державныхъ правъ одну лишь милость ограничить». Друзья Тургенева не безъ ехидства указывали на женскія свойства его натуры. Да, это было въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вѣрно: онъ былъ похожъ на простую русскую женщину, имъ такъ чудесно описанную, которая нерѣдко на вопросъ, любитъ ли она, отвѣчаетъ: «извѣстно, жалю». Какъ индійскій мудрецъ, отъ слѣдовалъ браминскому правилу: «*lat twam asi*» (это тоже ты)! и умѣлъ ставить себя на мѣсто каждаго, сливаясь со всѣмъ сущимъ въ чувствѣ общей солидарности. Доста-

точно припомнить его обезьянку на кораблѣ въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ». Но если разумъ его умѣлъ все *понимать*, его любящее женское сердце умѣло *жальть*.

Однако любовь Тургенева къ русскому человѣку и къ русской землѣ такъ нѣжно и красиво выраженная, на примѣръ, въ «Деревнѣ» его «стихотвореній въ прозѣ», не была слѣпою, способною видѣть однѣ лишь достоинства и упорно закрывать глаза на недостатки. Этимъ онъ выгодно отличался отъ современныхъ ему славянофиловъ, нападавшихъ на его «западничество». Онъ самъ шутя называлъ себя нѣмцемъ и вооружался противъ мистическихъ представленій объ исключительномъ призваніи русскаго человѣка, отыскивая въ его жизни и свойствахъ трезвую правду и не утѣшая себя восторженнымъ представленіемъ о немъ «*im Werden*». Человѣкъ всею душою русскій, онъ былъ чуждъ слѣпого культа «своего», который часто переходитъ въ пагубный шовинизмъ. Любить отечество не значитъ страдать патріотической близорукостью. Устами своего Пугина въ «Дымѣ», Тургеневъ говоритъ: «страстно люблю и страстно ненавижу странную, милую, скверную, дорогую родину». Когда, однажды, за товарищескимъ обѣдомъ въ Парижѣ, французскіе писатели стали разсуждать объ отличительныхъ коренныхъ свойствахъ европейскихъ расъ, Тургеневъ рѣзко противопоставилъ холодному культу *права* у человѣка латинскаго племени—*человѣчность* русскихъ людей. Въ своемъ «Гамлетѣ» и «Донъ-Кихотѣ» онъ безусловно становится на сторону послѣдняго, на сторону Alonzo el bueno, привѣтствуя въ немъ это названіе, какъ символъ всей его неустанной борьбы со зломъ. Но его смущаетъ безволіе русскаго человѣка и затрата имъ большихъ природныхъ силъ на пустяки,—отсутствіе настойчивости и выдержки—и практическое оправданіе имъ въ жизни горестнаго изреченія о томъ, что «суждены намъ благіе порывы, но свершить ничего не дано». Онъ съ горечью отмѣчаетъ, что жизнь русскаго развитого человѣка наполняетъ не творческая дѣятельность, не жажда созиданія, не *esprit de combativité*, а разлагающій анализъ, «ковырянье» въ собственной душѣ и удовлетвореніе одними «безкрылыми желаніями». Онъ рисуетъ рядъ лицъ, махнувшихъ на все рукой;—Каратаева, лишняго человѣка Чулкатурина, Гамлета Шигровскаго уѣзда, Рудина, Лаврецкаго съ его «догорающею бесполезною

жизнью», Берсенева, пишущаго тяжелымъ, съ обиліемъ иностранныхъ словъ, языкомъ «о нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-германскаго права въ дѣлѣ судебныхъ наказаній» въ то время, какъ Россія «въ судахъ полна неправды черной». Имъ онъ противопоставляетъ людей, умѣющихъ не только желать, но и хотѣть, будетъ ли то бѣдный восторженный слугитель искусства Леммъ или энергическій, одушевленный ясной и высокой цѣлью Инсаровъ... Его любимый герой былъ Базаровъ—фигура, по его словамъ, сумрачная, дикая, большая, до половины выросшая изъ почвы, сильная и честная. Онъ горячо желалъ внушить читателю любовь къ нему, несмотря на всю его грубость, сухость и рѣзкость, ибо создавалъ его съ любовью и чуткостью необыкновенной и до того сроднился съ нимъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ велъ дневникъ своего героя, гдѣ старался выяснить самому себѣ то, какъ отнесся бы такой человѣкъ къ различнымъ крупнымъ и мелкимъ обстоятельствамъ жизни. А когда онъ писалъ страницы о смерти Базарова, онъ не могъ удержаться отъ слезъ.

Но если Тургеневъ съ сомнѣніемъ покачивалъ головой, взирая на слагавшіеся у него въ душѣ образы русскихъ мужчинъ, то къ русской женщинѣ онъ относился съ гораздо большимъ довѣріемъ и возлагалъ на ея душевныя силы великое упованіе. Можно безъ преувеличенія сказать, что ему принадлежитъ первое мѣсто среди изобразителей русской женщины и толкователей ея душевнаго строя. Впервые русскую женщину намъ показалъ Пушкинъ. Бѣдная Лиза Карамзина, «прекрасная тѣломъ и душою, нѣжная и чувствительная поселянка», утопившаяся послѣ того, «какъ мракъ вечера питалъ желанія Эраста, богатаго дворянина съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, и никакой лучъ не могъ освѣтить его заблужденія»,—кромѣ имени и внѣшней обстановки, ничего не имѣла въ себѣ національнаго и типическаго. Не создалъ русской женщины и Гоголь, несмотря на обѣщаніе показать ее во всемъ блескѣ душевной красоты. Его Уленька второй части «Мертвыхъ душъ»—не живое лицо. Чудесна Татьяна, вся озаренная лучами ума и сердца великаго поэта, но она, по условіямъ жизни и воспитанію, принадлежитъ къ одному лишь слою общества. Она—олицетвореніе долга, которому приносится безхитростно и вмѣстѣ величаво въ жертву личное счастье.

«Но,—говорит она Онѣгину—я другому отдана и буду вѣкъ ему вѣрна». Общество шло однако впередъ, личность завоевывала себѣ новыя права, и быть «отданной»—изъ общаго правила становилось исключеніемъ: на мѣсто покорнаго принятія своего «жребія» явился свободный выборъ по влеченію сердца. И Лиза Калитина въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» тоже приносить себя въ жертву долгу, но понимаетъ его уже гораздо шире, чѣмъ Татьяна. Но и на этомъ «чистѣйшей прелести чистѣйшемъ образцѣ» нельзя было остановиться. Измѣнявшійся складъ общества, подмѣчаемый и часто предчувствуемый Тургеневымъ, звалъ женщину за предѣлы ея прежнихъ прекрасныхъ самихъ по себѣ задачъ:—иногда исцѣлять, часто облегчать и всегда утѣшать. Открывалась область не одной пассивной и сострадательной любви, но область любви дѣятельной, когда приходится стать по отношенію къ избраннику сердца товарищемъ, другомъ и опорою въ житейской борьбѣ—стать тѣмъ, что въ старину образно называлось «потрудилицей и сослужебницей». И Тургеневъ рисуетъ цѣлый рядъ очаровательныхъ женскихъ образовъ, исполненныхъ этой дѣятельной любви. Стоитъ вспомнить его Елену, Маріанну, героинь «Живыхъ мощей» и многихъ другихъ его рассказовъ. Андреевскій въ своемъ стихотвореніи «На смерть Тургенева» совершенно справедливо говоритъ, что «онъ далъ впервые проводницу — сынамъ проснувшейся страны, — на смѣлый трудъ изъ тишины онъ вызвалъ русскую дѣвицу и былъ онъ другъ ея мечты, души глубокій познаватель,—ея стыдливой красоты неподражаемый ваятель». Тургеневъ показалъ въ русской женщинѣ всѣ задатки духовнаго равноправія съ мужчиной, признавъ которые и давъ имъ свободное развитіе, слѣдуетъ открыть ей широкій путь къ гражданскому равноправію въ общественномъ быту и къ праву на всякій трудъ который не противорѣчитъ ея физической природѣ.

Но не однимъ *содержаніемъ* богато наслѣдіе, оставленное Тургеневымъ: въ немъ содержатся и драгоцѣнные уроки литературнаго творчества и оцѣнка его орудій. «Къ живописи,—говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: —примѣняется то же, что къ литературѣ и ко всякому искусству: кто всѣ детали передаетъ — пропалъ; надо умѣть схватывать однѣ характеристическія черты; въ этомъ одномъ и состоитъ талантъ и даже то, что называется творчествомъ». Въ его совѣтахъ на-

чинающимъ писателямъ и мнѣніяхъ, приводимыхъ Гонкурѣмъ, всегда звучить проповѣдь устраненія всего излишняго, *l'élimination du superflu*, а его собственныя произведенія являются образцомъ сжатости и силы. «Нельзя поэзію намазывать толстымъ слоемъ, какъ масло, — говоритъ онъ въ письмахъ къ Пичу — нѣмцы дѣлають двѣ огромныя ошибки въ своихъ разсказахъ: первая — несносное мотивированіе, а вторая — проклятая идеализація дѣйствительности. Описывайте правду просто и поэтично: идеальное проявится само собою». Негодуя на мораль, придѣланную французскимъ переводчикомъ къ его «Первой любви», онъ восклицаетъ: «Такія рефлективныя пережевыванія мыслей совѣмъ не въ моей натурѣ: они напоминають мнѣ кудактаніе курицы послѣ того, какъ она снесла яйцо. Это въ высшей степени бесполезно и только запутываетъ дѣло». Такимъ образомъ, раздѣляя взглядъ Гоголя, что со словомъ надо обращаться *честно*, онъ находилъ, что со словомъ надо обращаться и *скупо*. Каждый читавшій его произведенія, конечно, согласится, что онъ владѣлъ не только тайно художественнаго внушенія, но имѣлъ и даръ внушенія нравственнаго. Это умѣніе волновать сердце не одною красотою, но и совѣстью своего таланта, составляетъ его великую заслугу. Съ нѣкоторыхъ поръ искусство вступило на скользкій путь. Прежде оно изображало страсти, теперь оно стремится изображать пороки. Такимъ образомъ естественное проявленіе человѣческой природы замѣняется ея извращеніями. Невольно приходится вспомнить то, что сказалъ Гёте про величайшаго изобразителя человѣческихъ страстей — Шекспира, который «предлагаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ; чаши-то, пожалуй, и остались, но наполняютъ ихъ нынѣ картофелемъ». — Тургеневъ не шель по этому пути, и отсюда — цѣломудріе его изображеній, въ которыхъ онъ какъ бы слѣдовалъ итальянскому правилу: «*da dir poco e far pensar assai*». Стоить припомнить ночную сцену между Лаврецкимъ и Лизой въ саду, или приходъ Елены къ Инсарову, и представить себѣ, что бы сдѣлалъ изъ этого какой-нибудь развязный современный порнографъ.

Тургеневъ считалъ своимъ учителемъ Пушкина и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія съ кѣмъ-либо. Мнѣ помнится его восхищеніе тѣмъ, какъ

Пушкинъ въ нѣсколькихъ словахъ умѣлъ изобразить душевное настроеніе поэта, когда имъ овладѣваетъ вдохновеніе и, оставивъ дѣтей ничтожныхъ міра, онъ бѣжитъ въ широкошумныя дѣбравы — «смятенія и звуковъ полнѣ». «Тотъ, кто испыталъ на себѣ приливъ такого вдохновенія, — говорилъ Тургеневъ — тотъ знаетъ, что ярче и сильнѣе нельзя изобразить вызываемое имъ состояніе души, какъ то сдѣлалъ великій русскій поэтъ. *Смятеніе*, именно *смятеніе*»!! Онъ не могъ хладнокровно читать вслухъ вещей Пушкина. Одинъ изъ слышавшихъ его на публичномъ чтеніи въ Парижѣ, рассказываетъ, что при чтеніи «Цыганъ» въ голосѣ Тургенева послышалось волненіе; фигура его сгорбилась, лицо поблѣднѣло; увлеченный и растроганный, онъ, казалось, забылъ и о публикѣ и обо всемъ на свѣтѣ... Последнюю сцену онъ прочелъ почти шопотомъ. Когда онъ кончилъ и сошелъ со сцены, руки его дрожали, и онъ, кажется, плакалъ...

И *русскому языку* сослужилъ онъ великую службу. Языкъ каждаго народа — его лучшее достояніе, его святыня. «Когда народы, распри позабывъ, въ одну семью соединятся», когда статуя Марса станетъ оставленнымъ символомъ, а двери храма Януса закроются навсегда, тогда, конечно, земнымъ божествомъ народа станетъ его языкъ. Такое именно боготворящее преклоненіе предъ русскимъ языкомъ обнаруживалъ Тургеневъ, говоря: «Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбѣ моей родины — ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ». И какъ владѣлъ онъ этимъ языкомъ! Нельзя, напримѣръ, не придти въ восхищеніе отъ удивительнаго, точно высѣченнаго во мраморѣ языка «Пѣсни торжествующей любви». Мнѣ думается, что ни въ одномъ изъ чьихъ-либо произведеній на русскомъ языкѣ не доведено до такого совершенства соотвѣтствіе словъ и выраженій смыслу содержанія, и не связаны такъ тѣсно мысль и осуществленіе ея въ живомъ словѣ. Спокойный, сжатый, почти лѣтописный языкъ начала разсказа смѣняется, какъ только появляется загадочная фигура Муція, языкомъ, въ которомъ слышится тревога, и слова слѣдуютъ одно за другимъ, какъ удары горячечнаго пульса... Но сходить со сцены на время Муцій, и снова въ языкѣ наступаетъ успокоеніе, окончательно смѣняемое со вторичнымъ появленіемъ Муція удив-

вительной образностью, силой и мрачною красотою слова, чтобы завершиться примирительными аккордами, въ самомъ концѣ которыхъ однако снова звучить тревожная нота. «Берегите нашъ русскій языкъ, завѣщанный Пушкинымъ, — восклицаетъ Тургеневъ — не обращайтесь могучаго рычага въ подпорки». Этотъ завѣтъ его слѣдуетъ особенно помнить теперь, когда къ русскому языку проявляется подчасъ отношеніе, какъ къ несчастной «жертвѣ общественнаго темперамента», при чемъ его вынуждаютъ, подобно ей, переносить неуважительное обращеніе ремесленниковъ пера и служить растлѣнной фантазіи психопатовъ искусства.

Тургеневъ не былъ жрецомъ чистаго искусства, витающаго въ области фантазіи, далекой отъ тревожныхъ и загадочныхъ вопросовъ текущей дѣйствительности. Въ своихъ произведеніяхъ онъ нерѣдко подходитъ къ научнымъ вопросамъ изъ области психологіи и даже психіатріи, къ болѣзненнымъ общественнымъ явленіямъ, надъ которыми задумывается социологъ. Во всеоружіи своего поэтическаго творчества онъ затрагиваетъ въ своемъ художественномъ вымыслѣ научные вопросы, выходящіе за предѣлы поэтическаго вдохновенія. Его интересуетъ то, что въ современной психіатріи называется *навязчивыми идеями*, властно, неотвязно и пагубно овладѣвающими потерявшею свое равновѣсіе душою. Таковъ «Разсказъ отца Алексѣя», представляющій удивительную по своей вѣрности, почти клиническую картину возникновенія и развитія подобныхъ идей. Болѣзненные сны, предчувствія и галлюцинаціи находятъ себѣ тонкое изображеніе въ «Кларѣ Миличъ» и «Собака»; внушеніе и гипнозъ нарисованы удивительными чертами въ «Пѣсни торжествующей любви» и, наконецъ печальная и грозная болѣзнь нашего времени, съ одинаковою силой развернувшая свое черное крыло надъ людскимъ несчастіемъ, безнадежностью, отчаяніемъ и слабой волею, одинаково поражающая и людей усталыхъ отъ жизни и ея еще не познавшихъ—*самомубійство*—не разъ выступаетъ на страницахъ его произведеній.

Переходя отъ общественной и литературной дѣятельности Тургенева къ его *личности и жизни*, я живо представляю его себѣ — высокаго роста, съ крупными чертами «мужицкаго», какъ и у Льва Толстого, лица, съ нависшей на лобъ прядью сѣдыхъ волосъ. Вся его повадка имѣла характеръ силы и достоинства. М. М. Ковалевскій, видѣвшій его впер-

вые въ 1872 г., былъ пораженъ его внѣшностью, напоминавшею престарѣлаго и усталого льва. Особенно привлекали его глаза: столько въ нихъ было мягкости, доброты, сочувствія и жалости къ людямъ! По словамъ Писемскаго, они напоминали глаза умирающей газели. Описывая его въ своемъ дневникѣ, Гонкуръ говоритъ: «Это очаровательный колоссъ, ласковый сѣдой гигантъ, имѣющій видъ добраго горнаго или лѣснаго духа. Онъ прекрасенъ, величаво и чрезвычайно прекрасенъ, съ небесной голубизною въ глазахъ»; (*c'est un colosse charmant, un doux géant aux cheveux blancs, qui a l'air d'un bienveillant génie d'une montagne ou d'une forêt. Il est beau, grandement beau, énormément beau, avec du bleu du ciel dans les yeux*). Но голосъ его, высокій и мягкій, съ легкимъ пришепетываніемъ, похожій на женскій или, по замѣчанію Гонкура, — дѣтскій — *la parole enfantine*, мало вязался съ его могучей фигурой. Конечно, этотъ недостатокъ скоро забывался подъ вліяніемъ очарованія его устныхъ разсказовъ, въ которыхъ слышалось творчество удивительнаго художника, переживавшаго все, что онъ говорилъ. Я помню его разсказъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него скульптурами, найденными при Пергамскихъ раскопкахъ. Возстановивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ должны были существовать, когда рука времени и разрушенія ихъ еще не коснулася, онъ изобразилъ ихъ слушателямъ съ такимъ увлеченіемъ, что вскочилъ со своего мѣста и въ лицахъ представлялъ каждую фигуру. Было печально сознавать, что эта блестящая импровизація пропадетъ безслѣдно. Хотѣлось сказать словами одного изъ его «Стихотвореній въ прозѣ»: «Стой! какимъ я теперь тебя вижу, останься навсегда въ моей памяти!»

Мягкій и довѣрчивый въ отношеніяхъ къ людямъ, уступчивый до слабости и чрезмѣрной снисходительности, онъ страшился возможности *огорчить* и потому никогда не рѣшался *отказать*. Это ставило его не разъ въ неловкія и тягостныя положенія и давало поводъ его друзьямъ повторять отзывъ одного изъ нихъ: «а вѣдь Иванъ Сергѣевичъ — бабѣ порядочное». Но преобладающимъ свойствомъ его была доброта. Она была написана на его лицѣ, а вѣдь лица похожи на жилища: по инымъ видно, что внутри холодно и темно. Свѣтомъ и тепломъ вѣяло отъ милаго лица Тургенева, обрамленнаго густою раннею сѣдиною. Это преобладающее

свойство его сказывалось въ разныхъ проявленіяхъ его личности. Такъ, прежде всего, ему было чуждо чувство зависти къ чужому таланту или успѣхамъ, столь часто встрѣчающееся даже у выдающихся писателей, имѣющихъ свой собственный вѣсъ и значеніе. Въ письмахъ его разсыпано искреннее восхищеніе предъ важнѣйшими произведеніями Островскаго, Достоевскаго, Григоровича, Гончарова и Льва Толстого. Онъ восторженно отзывался, несмотря на лично холодныя отношенія съ Толстымъ, о «Войнѣ и мирѣ». «Мое сужденіе, — писалъ онъ Пичу — объ этомъ романѣ непоколебимо: это величайшій современный эпосъ». А между тѣмъ онъ предъявлялъ къ литературнымъ произведеніямъ большія требованія. Достаточно просмотрѣть его критическія замѣчанія на стихи Полонскаго, котораго онъ признавалъ однако истиннымъ поэтомъ, — вспомнить суровый отзывъ о стихотвореніяхъ Некрасова или заявленіе, что стихи гр. А. К. Толстого ему въ ротъ не лѣзутъ: до того въ нихъ все безжизненно-величаво, правильно и невѣрно. Расходясь во вкусахъ и идеалахъ съ Чернышевскимъ, съ какимъ уваженіемъ къ личному характеру и уму этого публициста относился онъ въ своихъ письмахъ! Рядомъ съ этимъ выливалось у него и чувство прощенія причиненныхъ ему горькихъ разочарованій и холодно-обдуманыхъ, безпричинныхъ обидъ. Старый другъ Некрасовъ, поддавшись злобѣ дня, вынудилъ его печатать «Отцовъ и дѣтей» не въ старомъ гостепріимномъ «Современникѣ», а у Каткова, и помѣстилъ у себя ругательную критическую статью противъ автора «Отцовъ и дѣтей», къ которой была по справедливости примѣнима эпитафия Пушкина объ «усыпительномъ зсилѣ». А между тѣмъ, какимъ примирительнымъ и глубоко трогательнымъ аккордомъ звучитъ «Послѣднее свиданіе» въ «Стихотвореніяхъ въ прозѣ», свиданіе съ умирающимъ Некрасовымъ, и съ какимъ участіемъ и сочувствіемъ отзывается Тургеневъ въ письмѣ къ Полонскому объ авторѣ злобнаго памфлета на Кармазинова, читающаго свою повѣсть «тегісі» (т.-е. «Довольно») въ «Бѣсахъ».

Слѣдуетъ прощать и можно забывать, но это очень часто приводитъ къ повторенію того, что было забыто. Да и поспѣшное забвеніе не соответствуетъ серьезному отношенію къ людямъ, поступки которыхъ рѣдко являются чуждою ихъ натурѣ случайностью, а почти всегда бываютъ ре-

результатомъ основной черты характера. Поэтому надо *прощать* въ жизни многое, но *не забывать* ничего. Такъ поступалъ и Тургеневъ, доброта котораго не была слѣпой и безоглядной. Онъ это доказалъ во время московскихъ торжествъ на обѣдѣ по поводу открытія памятника Пушкину, когда Катковъ, допустившій передъ тѣмъ жестоко изобличать и злобно язвить на страницахъ своей газеты Тургенева за денежную помощь, оказанную бѣдствовавшему Бакунину, протянулъ ему свой бокалъ. Тургеневъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы, но своего бокала не подалъ, а когда Катковъ во второй разъ сдѣлалъ то же, онъ холодно посмотрѣлъ на него и покрылъ свой бокалъ ладонью руки, а на упрекъ подошедшаго къ нему поэта Майкова съ указаніемъ, что въ такой день можно все забыть, живо отвѣчалъ: «Ну, нѣтъ, я старый воробей: меня на шампанскомъ не обманешь».

Едва ли нужно говорить о томъ, какъ широко, великодушно и деликатно приходилъ онъ на помощь множеству всякаго рода нуждающихся, неудачниковъ и горемыкъ, растрачивая на эту помощь средства, въ которыхъ часто нуждался самъ, испытывая при этомъ очень часто на себѣ справедливость скептическаго афоризма одного изъ своихъ пріятелей о томъ, что «ни одно доброе дѣло не остается безъ наказанія». Сообщая въ 1874 г. Пичу о невозможности пріобрѣсти рекомендуемую ему картину бѣднаго художника, онъ пишетъ: «У меня теперь въ рукахъ было больше денегъ, чѣмъ обыкновенно, но я, разумѣется, не замедлилъ ихъ выбросить въ окошко». Но не только его деньги иногда очень безцеремонно занимались или путемъ прозрачныхъ намековъ выпрашивались у него лично всякимъ, стучавшимъ въ его окошко,—его время, его драгоценное для родного слова время, безжалостно расхищалось разными бездарными или сомнѣвающимися истеричками, требовавшими его отзывовъ о своихъ «твореніяхъ» и затѣмъ изливавшими на него свои жалкія обвиненія въ «непониманіи» и «лукавствѣ». Можно бы привести массу примѣровъ того, какъ онъ щадилъ самолюбіе тѣхъ, кому помогалъ, стараясь остаться въ тѣни или даже вовсе безвѣстнымъ. Достаточно указать на его хлопоты о томъ, чтобы бѣдная и больная учащаяся дѣвушка пользовалась совѣтами знаменитаго парижскаго врача, для чего онъ ѣздилъ къ алчному французу и внесъ ему значительный гонораръ за нѣсколько

пріемовъ впередъ, увѣривъ въ то же время больную, что у этого врача можно ограничиться платой въ нѣсколько франковъ. Такъ же воспріимчивъ былъ онъ и къ общественнымъ бѣдствіямъ. Стонъ боли и негодованія вырывается у него, когда онъ читаетъ о кукуевской катастрофѣ и о погибшихъ при ней. Онъ посылаетъ въ 1874 г. въ сборникъ «Складчина», изданный въ пользу голодающихъ Самарской губерніи, не страницу, не отрывокъ, а цѣлую повѣсть «Живыя мощи», вспоминая при этомъ про огромный тульскій голодъ 1841 года и про изумленный отвѣтъ старика-крестьянина на вопросъ, были ли тогда безпорядки и грабежи: «Какіе, батюшка, безпорядки! ты и такъ Богомъ наказанъ, а тутъ ты еще грѣшить станешь!»

Изъ этихъ же свойствъ его характера вытекало и настойчивое желаніе не быть въ тягость окружающимъ и, поддерживая въ себѣ бодрое настроеніе, вселять его и въ другихъ. Въ этомъ отношеніи къ нему могли быть примѣнены слова князя Одоевскаго: «Жизнь добраго человѣка есть доброе дѣло въ жизни другихъ людей». Письма къ Полонскому, внадавшемъ въ уныніе отъ житейскихъ невзгодъ, полны ободреній. «Это неумно, — пишетъ онъ по новоду жалобъ своего друга на судьбу: — надо всячески держаться на поверхности, особенно въ наши годы, а то глупая житейская волна сейчасъ затопитъ. Бодрись, братъ!» Однажды, не совладавъ съ собою и приподнявъ предъ Полонскимъ завѣсу надъ своими душевными скорбями, онъ въ слѣдующемъ затѣмъ письмѣ горячо упрекалъ себя, что посягнулъ такимъ образомъ на его спокойствіе. «Не слѣдуетъ даже другу показывать свои тайныя раны; нужно было помнить, что я писалъ человѣку, у котораго собственнаго дѣйствительнаго горя и страданій довольно». Онъ примирился съ жизнью и не дѣлалъ себѣ по отношенію къ ней никакихъ иллюзій. Для него ея смыслъ былъ не въ личномъ счастьѣ, а въ исполненіи своего долга. Онъ самъ говоритъ: «Жизнь только того не обманываетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, спокойно принимаетъ ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Надо идти впередъ пока можно, а подкосятся ноги — сѣсть близъ дороги и глядѣть на проходящихъ безъ зависти и досады: и они далеко не уйдутъ». И въ другомъ мѣстѣ: «Отреченіе, отреченіе постоянное — вотъ тайный смыслъ и разгадка жизни. Не исполне-

ніе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы они возвышенны ни были, исполненіе долга,—вотъ задача человѣка: не наложивъ на себя желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща». Ему представлялось поэтому—и эта мысль сквозить во многихъ его произведеніяхъ,—что если человѣкъ и не можетъ быть, какъ это часто говорятъ, названъ кузнецомъ своего счастья, то во всякомъ случаѣ онъ часто самъ куетъ свое несчастіе. По его мнѣнію, правъ былъ тотъ крестьянинъ, который ему однажды сказалъ: «Ахъ, батюшка, не истребляй себя человѣкъ самъ, кто его истребить можетъ!» Поэтому вотъ его совѣты и правила жизни: не истребляй себя, будь терпѣливъ, не падай духомъ и люби людей, не взирая ни на что. Онъ любилъ вспоминать, какъ ему—тогда еще студенту петербургскаго университета—говаривала квартирная хозяйка-нѣмка, слыша его ропотъ на судьбу, не баловавшую его присылкой денегъ изъ отчужденнаго дома: «Эхъ, Иванъ Сергѣевичъ, не надо быть грустный, *man soll nicht traurig sein*; житье—это есть какъ мухъ,—пренепріятный наскѣкомъ. Что дѣлать! тѣрпѣйтъ надо!» Въ проникнутые мрачной поэзіей словесные рассказы его въ кружкѣ близкихъ знакомыхъ о своихъ снахъ и предчувствіяхъ довольно явственно вплеталось чувство ужаса передъ неизбѣжностью смерти, то чувство, которое такъ сильно звучитъ въ «Призракахъ» и нѣкоторыхъ послѣднихъ его произведеніяхъ, напр., въ «Старухѣ». Но и съ этимъ чувствомъ онъ боролся, стараясь его побѣдить и восклицая: «И пусть надо мною вьется мой ястребъ: мы еще повоюемъ, чортъ возьми!»

Почти всѣ письма, на которыя мнѣ приходится ссылаться, написаны изъ-за границы, гдѣ Тургеневъ провелъ значительную часть своей жизни,—и здѣсь мы встрѣчаемся съ упрекомъ, который такъ часто дѣлали нашему писателю, видя въ его отсутствіи съ родины—отсутствіе любви къ Россіи и «тоски по родинѣ». Но прежде всего—отсутствіе не значить разрывъ и отчужденіе, и дай Богъ, чтобы всѣ упрекающіе его, взятые вмѣстѣ, такъ служили духовнымъ интересамъ своего отечества, какъ это дѣлалъ Тургеневъ. Тоска по родинѣ! Какъ злоупотребляютъ этими словами! Какъ забываютъ про цѣлые періоды, когда съ полнымъ основаніемъ человѣкъ развитой можетъ и даже долженъ чувствовать тоску по родинѣ на родинѣ! Да и что могла ему дать жизнь въ отече-

ствѣ въ то время, когда, послѣ ареста и ссылки въ деревню за некрологъ Гоголя, онъ получилъ возможность надолго уѣхать въ Германію, съ которою былъ связанъ дорогими воспоминаніями о годахъ своего философскаго образованія? Онъ не могъ не видѣть, подобно Ивану Аксакову, за блестящей «фасадностью» Россіи гражданской «мерзости запустѣнія» и духовной нищеты, которыя ставили передъ ней не въ первый и не въ послѣдній разъ роковую альтернативу возрожденія или гибели. Мы знаемъ, что сдѣлалъ онъ для ея возрожденія и насколько удобнѣе ему было для этого, подобно Гоголю, взглянуть на Россію изъ своего «прекраснаго далека». Не поступать же ему было на службу подъ начальство какихъ-нибудь выслужившихся канцеляристовъ, не скрывавшихъ своего презрѣнія къ «ученымъ!» Не дѣлаться же болтливымъ членомъ кружка, «ein кружокъ in der Stadt Moskau», — не жить же въ деревнѣ, задыхаясь въ атмосферѣ окружающаго крѣпостничества, или наконецъ, примиривъ литературу съ табелью о рангахъ, найти тихое пристанище въ тогдашнемъ цензурномъ вѣдомствѣ. Со справедливой гордостью онъ могъ сказать словами Некрасова: «Напрасно ропотъ укоризны за мною по пятамъ бѣжалъ: не небесамъ чужой отчизны — я пѣсни родинѣ слагалъ».

Но зачѣмъ не вернулся онъ, когда въ Россіи просвѣтлѣло и дышать стало легче, когда зажурчала мертвая дотолѣ жизнь общества, и передъ нимъ стали открываться широкіе горизонты и возникать благородныя задачи? Здѣсь мы подходимъ къ тому, что можетъ быть по справедливости названо драмой его жизни. Не праздное любопытство влечетъ заглянуть въ нее, не желаніе насильственно раскрывать двери частной жизни. Нѣтъ! Любовь къ незабвенному писателю, желаніе понять его отсутствіе съ обновлявшейся родины побуждаютъ къ этому, а напечатанныя письма и недостойная окраска его личности, допущенная близкими къ нему людьми, почти обязываютъ къ этому. Наука о человѣческой душѣ знаетъ навязчивыя идеи, о которыхъ я уже упоминалъ, и навязчивыя состоянія, подробно описанныя нашимъ психіатромъ Бехтеревымъ. Внимательное изученіе выдающихся писателей указываетъ, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ бывали представленія, очевидно коренившіяся въ какомъ-нибудь сильномъ и глубокомъ впечатлѣніи ихъ жизни. Такія представленія, властно возникая въ душѣ, часто и настойчиво вылетались въ ихъ произведенія.

Можно бы привести къ тому множество примѣровъ. Достаточно указать на частое и однообразное, хотя и прекрасное повтореніе картины лунной ночи у Пушкина, или на одну и ту же картину у Достоевскаго, картину уединенной пыльной дороги, надвигающихся сумерокъ, налетающаго вихремъ вѣтерка, такъ часто предшествующую у него какому-нибудь потрясающему эпизоду, въ которомъ участвуютъ отецъ и маленькій сынъ, будетъ ли то сонъ Раскольникова или слезы Илюшечки надъ поруганнымъ отцомъ, — или у того же писателя — наростаніе шума безсвязныхъ голосовъ надвигающейся толпы, которая вотъ-вотъ войдетъ. Подобное навязчивое представленіе можно уловить и у Тургенева. Припомнимъ «Переписку», «Вешнія воды» и «Дымъ». Въ нихъ въ сущности одинъ и тотъ же сюжетъ: предъ человѣкомъ добрымъ и благороднымъ, но слабымъ и впечатлительнымъ, открывается спокойная семейная жизнь съ любимой искренно и нѣжно дѣвушкой;—и вдругъ въ лицѣ чарующей женщины, уже извѣдавшей жизнь и ея соблазны, въ его существованіе вторгается всепобѣждающая страсть и становится на порогъ новой жизни, все въ ней разрушая и подчиняя самого человѣка себѣ до униженія, до потери собственнаго достоинства, почти до полного безличія. . . Такъ налетѣвшій ураганъ среди казавшагося безоблачнымъ неба сразу разрушаетъ почти dokonченную постройку и, разметавъ сложенный въ ней очагъ, въ своемъ бурномъ вихрѣ увлекаетъ и самого строителя. «Какъ собака, я не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила,—я оторвался ото всего дорогого, отъ родины», говоритъ у Тургенева одинъ изъ такихъ захваченныхъ ураганомъ людей. Вспомните Санина, героя «Вешнихъ водъ», и его отъѣздъ изъ Висбадена, — на узенькой скамеечкѣ коляски, въ ногахъ у господина Полозова и его хищной супруги,—и все, что онъ испытываетъ, когда пылающій гнѣвомъ Панталеоне грозитъ ему и кричитъ: *codardo! infame traditore!* а пудель Тарталья лаетъ, и «самый лай честнаго пса звучить невыносимымъ оскорбленіемъ». И затѣмъ долгіе годы въ Парижѣ и всѣ униженія и мѣки раба, которому не позволяютъ ни ревновать, ни жаловаться.

Что Тургеневъ вложилъ въ изображеніе этихъ положеній и душевныхъ мукъ частицу пережитаго, видно не только изъ глубины того чувства и той надрывающей душу скорби, которыя слишкомъ сильно звучать

въ нихъ, чтобы быть проявленіемъ исключительно объективнаго творчества, но и изъ его письма Флоберу, въ которомъ онъ говоритъ по поводу «Вешнихъ водъ»: «Je me suis entraîné par des souvenirs». Вотъ почему его общій выводъ о томъ, что въ сущности такое любовь, есть не только результатъ его «ума холодныхъ наблюдений», но и «сердца горестныхъ замѣтъ». — «Любовь, — по его опредѣленію, — вовсе не чувство. Это болѣзнь души и тѣла. Она не развивается постепенно, — въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить. Въ ней нѣтъ равенства и такъ называемаго свободнаго единенія душъ. Въ ней одно лицо — рабъ, а другое властелинъ — и сама она цѣпь, и цѣпь тяжелая».

Въ началѣ сороковыхъ годовъ на петербургской оперной сценѣ выступила знаменитая пѣвица Полина Віардо-Гарсія, о чарующемъ голосѣ и удивительномъ искусствѣ пѣнія которой съ единодушнымъ восторгомъ отзываются всѣ современники. На дагеротипномъ портретѣ, снятомъ съ нея нѣсколько лѣтъ спустя, она изображена въ гладкой прическѣ, закрывающей на половину уши, съ проборомъ посрединѣ и съ «височками». Крупныя черты ея некрасиваго лица съ толстыми губами и энергическимъ подбородкомъ тѣмъ не менѣе привлекательны благодаря ея прекраснымъ большимъ темнымъ глазамъ съ глубокимъ выраженіемъ. Подъ обаяніе ея чуднаго голоса и всей ея властной личности подпалъ въ 1843 г. Тургеневъ — и на всю жизнь. «Эта привязанность, — писалъ онъ Авдѣеву —рослась съ моею жизнью, и безъ нея я былъ бы какъ безъ воздуха». Всякое извѣстіе объ успѣхахъ Віардо было для него настоящимъ праздникомъ. «Когда слышишь ее, — говоритъ онъ Пичу — то по спинѣ проходитъ холодная дрожь и плачешь слезами восторга». Вотъ какъ описываетъ очевидецъ музыкальное утро, устроенное ею уже въ самые послѣдніе годы жизни Тургенева: «Голосъ ея, далеко не свѣжій и немного грубоватый, не очень понравился публикѣ, она хлопала только изъ вѣжливости, но Иванъ Сергѣевичъ, бывшій когда-то свидѣтелемъ триумфовъ великой артистки, былъ и теперь еще, вѣроятно, подъ обаяніемъ этихъ воспоминаній. Онъ принялъ въ самый искренній восторгъ. Его лицо раскраснѣлось, глаза горѣли, пряди волосъ падали въ беспорядкѣ на его лобъ. Онъ хлопалъ дольше и громче всѣхъ и, обернувшись къ публикѣ, повторялъ: «какова старушка, какова!» Черезъ трид-

цать пять лѣтъ, послѣ первыхъ встрѣчъ съ Віардо, въ сентябрѣ 1879 г. Тургеневъ началъ одно изъ своихъ «стихотвореній въ прозѣ» словами: «Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною; но первый стихъ остался у меня въ памяти: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы». Теперь морозъ запушилъ стекла оконъ; въ теплой комнатѣ горитъ свѣча; я сижу, забившись въ уголь, а въ головѣ все звенить да звенить: «какъ хороши, какъ свѣжи были розы»...—Оказывается, что забытое Тургеневымъ и слышанное имъ *гдѣ-то и когда-то* стихотвореніе принадлежало поэту Мятлеву, автору «Сенсацій госпожи Курдюковой данъ летранже», раздѣлявшему общее восхищеніе пѣніемъ Віардо. Оно было напечатано въ 1843 году подъ названіемъ «Розы». Начальная строфа этого стихотворенія, звучавшая черезъ три съ половиной десятилѣтія въ памяти Тургенева слѣдующая: «Какъ хороши, какъ свѣжи были розы—въ моемъ саду! Какъ взоръ прельщали мой,—какъ я молилъ весенніе морозы—не трогать ихъ холодною рукой!» Тургеневъ, по его собственному выраженію, былъ *одно-любъ*, и любовь, роковой характеръ которой онъ такъ кратко и сильно опредѣлилъ, захватила и связала его волю, сконцентрировала его чувство и ввела его въ заколдованный кругъ неотразимаго вліянія властной и выдающейся женщины. Онъ отдалъ себя—свое время и сердце—всѣмъ семьѣ г-жи Віардо. Его дружескія письма къ нѣмецкому критику Пичу, котораго онъ шутилъ называлъ ботаническимъ именемъ *Pietschius amabilis grandiflorus semper virens*, переполнены теплыми отзывами о дочеряхъ г-жи Віардо и даже о ея сынѣ, скрипачѣ Полѣ, несмотря на то, что онъ «ужасно неотесанъ и подчасъ невыносимъ»,—нѣжными заботами объ ихъ удобствахъ и удовольствіяхъ,—постоянными тревогами о малѣйшемъ нездоровьѣ г-жи Віардо и восторженными сообщеніями о вокальныхъ успѣхахъ «этой чудной женщины». Жалуясь на свое скверное настроеніе, «сѣрое съ желтоватыми пятнышками», на жестокіе приступы подагры и на разныя житейскія непріятности, Тургеневъ не забывалъ никогда прибавить, что, къ счастью, вся семья Віардо благополучна или все въ ней идетъ хорошо, а это въ концѣ концовъ самое главное...

— Ну, и что же?—могутъ намъ сказать—вѣдь онъ былъ счастливъ въ этомъ заколдованномъ кругу!—Едва ли можно отвѣтить на это: да,

быть!—Къ сожалѣнію, онъ самъ, трогательно избѣгая личныхъ упрековъ и до гроба оставаясь вѣрнымъ владычицѣ своего сердца, давалъ однако поводы думать, что этотъ заколдованный кругъ далъ ему очень немного и, быть-можетъ, лишилъ его многого, необходимаго его нѣжной душѣ. Его письма къ друзьямъ представляютъ въ этомъ отношеніи весьма важный матеріалъ. Печаль по отсутствію своей собственной семьи начинается сквозить въ нихъ довольно рано. Уже въ концѣ 1856 года онъ жалуется на то, что осужденъ на одинокую *цыганскую* жизнь;— что ему не свить своего гнѣзда, а между тѣмъ онъ слишкомъ старъ, чтобы не имѣть такого;— что онъ словно *вывиженный* изъ жизни и въ чужомъ воздухѣ разлагается, какъ мерзлая рыба при оттепели. Въ 1857 г. онъ пишетъ Некрасову изъ Парижа: «Ты видишь, что я здѣсь, т.-е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты меня предостерегалъ... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: такъ жить нельзя. Полно сидѣть на краешкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ—ну и не надо никакого. Боже мой! Какъ мнѣ хочется поскорѣе въ Россію! Довольно, довольно, полно!»— А въ 1858 г. онъ пишетъ «До скораго свиданія. Повторяю тебѣ, не сомнѣвайся во мнѣ. Прочтя слово: Парижъ, ты, пожалуй, подумаешь: «вретъ, онъ тамъ и останется». На это скажу тебѣ одно: одной особы тогда въ Парижѣ *не* будетъ... Во всякомъ случаѣ, если я буду живъ, я въ концѣ мая въ Петербургѣ; *никакія* силы не удержатъ меня здѣсь болѣе. Полно—перестань, ты заплатилъ безумству дань».—Въ 1861 году онъ пишетъ Колбасину, въ письмѣ котораго усмотрѣлъ намеки на намѣреніе его жениться: «Я вижу, что тутъ замѣшана женщина—и *хорошо* замѣшана». И гораздо позже, въ 1879 году, онъ пишетъ Л. Н. Толстому: «Радуюсь вашему семейному благополучію. Точно: тяжелыя и темныя времена переживаетъ теперь Россія;— но именно теперь-то и совѣстно жить на чужбинѣ—это чувство во мнѣ все сильнѣе и сильнѣе—я поѣду на родину, не размышляя вовсе о томъ, когда сюда вернусь, да и не желая скоро вернуться». И рядомъ съ этимъ приходится видѣть, какими прочными цѣпами и какъ подчасъ безжалостно онъ окованъ. Его «не отпускаютъ» въ 1861 г. въ Россію, гдѣ только-что совершилось

освобожденіе крестьянъ и куда его страстно влечетъ, такъ что «лихорадка колотитъ и досада душитъ». Въ 1868 году его настоятельно призываютъ въ Бадень-Бадень изъ Парижа отъ одра умирающаго друга — Герцена и запрещаютъ вернуться назадъ. И въ томъ же 1868 году, тамъ же, въ Бадень-Бадень, онъ, находившій, что «человѣкъ, который считаетъ себя писателемъ и пишетъ больше, чѣмъ на одномъ своемъ родномъ языкѣ, — несчастный, жалкій и бездарный субъектъ», сочиняетъ три французскихъ либретто къ опереткамъ госпожи Виардо и двѣнадцать разъ выступаетъ въ качествѣ Людофда, въ рыжемъ парикѣ на почтенныхъ сѣдинахъ, на домашнихъ спектакляхъ въ ея домѣ передъ — какъ онъ выражается — *чрезвычайными* особами. Что это давалось ему не легко, видно изъ его письма къ Пичу, въ которомъ онъ говоритъ: «Долженъ сознаться, что во мнѣ что-то дрогнуло, когда я въ роли моей лежалъ на полу и замѣтилъ легкую усмѣшку традиціоннаго презрѣнія на неподвижныхъ губахъ надменной прусской кронпринцессы. Несмотря на то, что я здѣсь вообще не избалованъ почтительнымъ ко мнѣ отношеніемъ, тѣмъ не менѣе мнѣ показалось, что это ужъ слишкомъ». Въ письмахъ къ Борисову въ 1871 г. изъ Парижа онъ говоритъ: «Я не успѣлъ еще здѣсь оглядѣться, какъ слегъ, а Виардо на нѣсколько дней уѣхали погостить къ друзьямъ на берегъ моря, и такимъ образомъ я очутился вдругъ одинъ въ этомъ страшнѣйшемъ городищѣ? Но мнѣ было недурно, я отдохнулъ. Только ночи были скверныя. Ну, да это все ничего!» А въ 1878 г. онъ — шестидесятилѣтній старикъ — пишетъ Флоберу изъ города Кана (Саен) въ Нормандіи: «Вы спросите, что значить этотъ Канъ, зачѣмъ я въ Канъ? А вотъ! Дамы семейства Виардо должны провести двѣ недѣли на берегу моря и меня послали разыскивать что-нибудь подходящее». Если къ этимъ ссылкамъ добавить рассказъ одного изъ друзей писателя, пріѣхавшаго послѣ долгой разлуки повидать monsieur Tourdeneuf (такъ звала его прислуга Виардо) въ St. Germain — о его сконфуженномъ видѣ, когда на его повторную просьбу прислать что-либо, чтобы угостить пріѣзжаго, ему отвѣчали черезъ лакея рѣшительнымъ отказомъ, такъ что пришлось ограничиться предложеніемъ стакана воды съ оказавшимся подъ рукою сахаромъ, — или рассказъ другого поѣтителя, изумленнаго раздавшимся велѣдъ Тургеневу изъ окна дома

Віардо рѣзкимъ повелительнымъ и не стѣсненнымъ ничѣмъ окрикомъ «Jean!»—то станетъ особенно понятно переданная мнѣ покойнымъ Борисомъ Николаевичемъ Чичеринымъ одна изъ бесѣдъ его съ Тургеневымъ въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Чичеринъ заговорилъ какъ-то о необходимости выходить изъ фальшивыхъ положеній въ жизни, т. е. о томъ, что такъ кратко выразилъ Александръ Дюма-сынъ, сказавшій: «on traverse une position équivoque, on ne reste pas dedans».

«— Вы думаете?!—съ грустной ироніей воскликнулъ Тургеневъ:— изъ фальшивыхъ положеній не выходятъ! Нѣтъ-съ, не выходятъ! Изъ нихъ выйти нельзя!»

Прежде, чѣмъ закончить съ этой полосой въ личной жизни Тургенева, я не могу не обратиться къ своимъ личнымъ воспоминаніямъ. Осенью 1879 года въ Парижѣ мы были съ нимъ приглашены на завтракъ въ очень маленькомъ обществѣ. Заѣхавъ за нимъ, я сталъ подниматься въ верхній этажъ дома въ rue de Douet, куда вела лѣстница темнаго дерева, съ широкимъ пролетомъ посрединѣ. Проходя мимо дверей того этажа, который у насъ называется бель-этажемъ, я услышалъ за ними чей-то довольно рѣзкій голосъ, выдѣлывавшій вокальныя упражненія, прерываемыя по временамъ чьими-то замѣчаніями. Наверху меня встрѣтилъ Иванъ Сергѣевичъ и ввелъ въ свое помѣщеніе, состоявшее изъ двухъ комнатъ. На немъ была старая, довольно потертая бархатная куртка. Царившая въ комнатахъ «оброшенность» непріятно поразила меня. На маленькомъ закрытомъ роялѣ и положенныхъ на него нотахъ лежалъ густой слой пыли. Штора, стариннаго прямого образца, однимъ изъ своихъ верхнихъ угловъ оторвалась отъ палки, къ которой была прикрѣплена, и висѣла поперекъ окна, загораживая отчасти свѣтъ, очевидно, уже давно, такъ какъ и на ея складкахъ замѣчался такой же слой пыли. Расхаживая во время разговора съ хозяиномъ по комнатѣ, я не могъ не замѣтить, что и въ сосѣдней небольшой спальнѣ все было въ безпорядкѣ и не убрано, несмотря на то, что былъ уже второй часъ дня. Мнѣ невольно вспомнился стихъ Некрасова: «Но тотъ, кто любящей рукой не охраненъ, не обезпеченъ»... Видя, что оживленная бесѣда съ Тургеневымъ, очень интересовавшимся событіями и ходомъ дѣлъ на родинѣ, можетъ насъ задержать, я напомнилъ ему, что насъ ждутъ. — «Да, да, — заторопился

онъ—сейчасъ я одѣнусь!»—и черезъ минуту вышелъ въ темно-сѣромъ пальто изъ какой-то матеріи, напоминавшей толстую парусину. Продолжая говорить, онъ хотѣлъ застегнуться и машинально искалъ пуговицы, которой уже давно на этомъ мѣстѣ не было.—«Вы напрасно ищете пуговицу,—замѣтилъ я, смѣясь—ея нѣтъ!»—«Ахъ!»—воскликнулъ онъ—и въ самомъ дѣлѣ! Ну, такъ мы застегнемся на другую»,—и онъ перевелъ руку на одну петлю ниже, но соотвѣтствующая ей пуговица болталась на ниточкахъ, за которыми тянулась выступившая наружу подкладка. Онъ добродушно улыбнулся и, махнувъ рукою, просто запахнулъ пальто, продолжая разговаривать. Когда, спускаясь съ лѣстницы, мы стали приближаться къ дверямъ бель-этажа, за ними раздались звуки сильнаго контральто, тоже, какъ казалось, передававшіе какое-то вокальное упражненіе. Тургеневъ вдругъ замолкъ, шепнулъ мнѣ: — «Ш-ш-ш!» и смѣнилъ свои тяжелые шаги тихой поступью, а затѣмъ остановился противъ дверей, быстрымъ движеніемъ взявъ меня ниже локтя своей большою, покрытой рѣдкими черными волосами рукою, и сказалъ мнѣ, показывая глазами на дверь: «Какой голосъ! до сихъ поръ». Я не могу забыть ни выраженія его лица, ни звука его словъ въ эту минуту: такой восторгъ и умиленіе, такая нѣжность и глубина чувства выражались въ нихъ. За завтракомъ онъ былъ очень веселъ и много рассказывалъ о Zola и о Daudet. Подъ конецъ наша собесѣдница какъ-то затронула вопросъ о бракѣ и шуточно просила Тургенева убѣдить меня наложить на себя брачныя узы. Тургеневъ заговорилъ не тотчасъ и какъ бы задумался, а потомъ поднялъ на меня глаза и сказалъ серьезнымъ и горячимъ тономъ: «Да, да, женитесь, непременно женитесь! Вы себѣ представить не можете, какъ тяжела одинокая старость, когда по-неволѣ приходится пріютиться на краешкѣ чужого гнѣзда, получать ласковое отношеніе къ себѣ, какъ милостыню, и быть въ положеніи стараго пса, котораго не прогоняютъ только по привычкѣ и изъ жалости къ нему. Послушайте моего совѣта! Не обрекайте себя на такое безотрадное будущее!» Все это было сказано съ такимъ плохо затаеннымъ страданіемъ, что мы невольно переглянулись; Тургеневъ это замѣтилъ и вдругъ сталъ собираться уходить, повидимому, недовольный вырвавшимся у него заявленіемъ. Мы стали его удерживать, но онъ сказалъ: «Нѣтъ, я и такъ засидѣлся. Мнѣ надо

домой. Дочь m-me Viardot больна и въ постели. Можетъ оказаться нужнымъ, чтобы я съѣздить къ доктору или сходилъ въ аптеку». И, запахнувъ свое пальто, онъ торопливо распростился съ нами и ушелъ.

Таковы были условія личной жизни дорогого намъ писателя. Едва-ли кто-нибудь признаетъ ихъ завидными... Но по смерти его ждало нѣчто еще менѣе завидное. У госпожи Виардо есть дочь Луиза, по мужу Герритъ, и на нее, конечно, тоже распространялись заботы Тургенева. Онъ чуть не поссорился съ Пичемъ за промедленіе въ доставленіи перевода съ либретто къ ея оперѣ, которая должна была быть поставлена на придворномъ театрѣ въ Веймарѣ; онъ пережилъ много волненій и заботъ вслѣдствіе ея тяжелыхъ родовъ и помѣстилъ ее въ своей квартирѣ, самъ перебравшись въ двѣ маленькія комнаты. И вотъ эта-то самая госпожа Герритъ-Виардо весною 1907 года напечатала въ одной изъ вліятельныхъ и весьма распространенныхъ газетъ — «Frankfurter Zeitung», — всегда отличавшейся, какъ, впрочемъ, и вся нѣмецкая пресса, большимъ уваженіемъ къ творчеству и памяти Тургенева, поразительное письмо. Въ немъ говорится, что Тургеневъ, проживъ тридцать лѣтъ въ домѣ Виардо съ полнымъ комфортомъ, за все это время не платилъ и даже не пытался платить хозяевамъ, хотя послѣдніе были бы весьма не прочь отъ этого. «Тургеневъ, — пишетъ г-жа Герритъ: — умеръ послѣ полуторагодовой болѣзни; ему и въ голову не пришло поблагодарить насъ за въ высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уходъ за нимъ, завѣщавъ намъ хотя бы часть своего крупнаго состоянія. Его милліоны(!!!) унаслѣдовала старая кузина, которой онъ никогда не зналъ, и у которой безъ того были свои милліоны». . . . Оставляя въ сторонѣ фантастическіе милліоны, измышленные г-жей Герритъ подъ вліяніемъ расхваливаемаго денежнаго аппетита, дозвоительно сдѣлать нѣсколько фактическихъ поправокъ къ ея письму. Такъ, по удостовѣренію вдовы Я. П. Полонскаго — близкаго друга Тургенева, — послѣдній, при выходѣ замужъ другой дочери Виардо — Маріанны — продалъ часть своего имѣнія и вырученную сумму далъ ей въ приданое. Семейству Виардо онъ оставилъ всю, очень крупную, сумму, полученную при покупкѣ у него права литературной собственности на его произведенія. Этой же семьѣ, по свидѣтельству М. М. Стасюлевича, было предназначено все, что будетъ выручено отъ

продажи остальной части *родового* имущества, и лишь смерть Тургенева помѣшала русскому консулу засвидѣтельствовать подпись умирающаго на данной съ этой цѣлью довѣренности. Въ 1870 году Тургеневъ пишетъ Маслову: «Въ человѣческой жизни Богъ воленъ; если бы я внезапно очутился, то ты долженъ знать, что оставленные у тебя на сохраненіе акціи мною куплены для моей милой Клавдіи Віардо и потому должны быть—въ случаѣ какой-нибудь катастрофы—доставлены г-жѣ Віардо въ гор. Бадень-Бадень. Я совершенно здоровъ, но осторожность никогда не мѣшаетъ». — «Милый другъ Иванъ Ильичъ, — пишетъ онъ Маслову черезъ два года—изъ тридцати тысячъ рублей, оставшихся на твоихъ рукахъ послѣ покупки акцій, купи еще на пять тысячъ акцій, попрежнему на имя г-жи Віардо»; и въ 1874 г. проситъ Маслова прислать денегъ, продавъ купоны отъ его, Тургенева, бумагъ, такъ какъ курсъ хорошій, а ему, по случаю свадьбы дочери г-жи Віардо, Клавдіи, приходится порядкомъ расходо­ваться.

Нужно ли говорить, что и помимо всего этого нравственный обликъ Тургенева является отрицаніемъ самой возможности того, что вышло изъ-подъ злорѣчиваго пера третьей дочери г-жи Віардо. Можно лишь удивляться, что эта дама, повидимому, «знобимая, — по прекрасному выраженію Пушкина—стяжанья лихорадкой», ждала почти четверть вѣка, чтобы заявить о своемъ недугѣ и начать предъ нѣмецкой публикой оплакивать поруганные русскимъ прихлебателемъ интересы своей семьи. Но есть нѣчто, внушающее еще большее удивленіе. Молчаніе—знакъ согласія, а сама г-жа Полина Віардо, столь чувствительно письменно благодарившая послѣ смерти Тургенева «дорогихъ ей русскихъ, истинныхъ друзей ея дорогого и незабвеннаго Тургенева», — молчитъ! Она, тогда же писавшая Людвигу Пичу: «Ахъ, дорогой другъ, это слишкомъ, слишкомъ много горя для одного сердца! Не понимаю, какъ мое еще не разорвалось! . . Боже мой, какое страданіе!» — молчитъ . . . Такимъ образомъ, заключительнымъ аккордомъ грустной повѣсти о личной жизни Тургенева является попытка почтеннаго семейства, отнявшаго у него родину и близость друзей, отнять и доброе имя и изъ человѣка-альтруиста въ словѣ и дѣлѣ сдѣлать жалкаго приживальщика, заплатившаго за оказанныя ему благо­дѣянія лишь рыжимъ парикомъ на за-

баву чрезвычайныхъ гостей и побѣгушками для исполненія порученій...

Но не одна личная жизнь Тургенева заключала въ себѣ элементы драмы. Они нашлись и въ его жизни общественной. Появленіе его лучшаго по законченности, глубинѣ и неподражаемой красотѣ романа «Отцы и дѣти» было встрѣчено вліятельной критикой начала 60-хъ годовъ со слѣдной враждебностью. Ея близорукимъ представителямъ показалось, что Тургеневъ недостаточно низко клонить свою голову предъ тогдашними кумирами. Пошлое обвиненіе въ «клеветѣ на молодое поколѣніе» было пущено въ ходъ, а самъ авторъ приравненъ къ «мракобѣсному» издателю «Домашней бесѣды» Аскоченскому и названъ «Асмодеемъ нашего времени». Лишь въ чуткой душѣ Писарева яркій образъ Базарова нашель себѣ правильную оцѣнку, да Достоевскій, по словамъ самого Тургенева, прозрѣлъ правдивость и значительность новаго произведенія. Большой художникъ, Тургеневъ, несмотря на внѣшнюю выдержку и кажущееся равнодушіе, не могъ развить въ себѣ олимпійскаго спокойствія своего великаго учителя Пушкина, и сказать себѣ: «ты самъ доволенъ ли, взыскательный художникъ? Доволенъ? Такъ пускай толпа бранить и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ, и въ дѣтской рѣзвости колеблеть твой треножникъ». Онъ несомнѣнно страдалъ и какъ художникъ, и какъ человѣкъ, которому, по благородному почину нѣкоторыхъ критиковъ, толпа злорадныхъ невѣждъ, живущихъ чужимъ умомъ, приписывала самыя низменные побужденія. «Можетъ ли оставаться спокойнымъ, — говоритъ Брайтъ въ одной изъ своихъ блестящихъ рѣчей — человѣкъ, достойный любви и уваженія, когда онъ сознаетъ возбуждаемую противъ него ненависть и слышитъ острое шипѣніе клеветы, которую нельзя поймать и раздавить, какъ змѣю, ползущую во тьмѣ». Тургеневъ самъ писалъ Пичу уже въ 1869 году: «Русской молодежи внушили, что типъ Базарова — обидная карикатура и памфлетъ. Изъ-за Базарова меня забросали и забрасываютъ грязью, оскорбленіями, ругательствами», и еще въ 1879 году онъ говорилъ Полонскому по поводу «Нови»: «Если меня за «Отцовъ и дѣтей» били палками, за «Новъ», конечно, будутъ лупить бревнами, и точно такъ же съ обѣихъ сторонъ». Глубоко опечаленный, онъ даже рѣшился навсегда оставить писательство, простившись съ читателями въ

своемъ глубоко поэтическомъ «Довольно». Но выполнить до конца свою рѣшимость онъ не могъ. Творческая натура слишкомъ властно предъявляла свои требованія, а явленія общественной жизни настойчиво призывали его подать голосъ. Такъ появились «Дымъ» и въ 1876 г. — «Новь». За весь этотъ періодъ, начиная съ 1862 года, жадно читаемый за границей Тургеневъ испытывалъ на родинѣ справедливость евангельскаго изреченія о томъ, что «нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ», и стоялъ какъ бы въ тѣни, подвергаясь, по собственному выраженію, снисходительному презрѣнію господъ рецензентовъ.

Желаніе бросить литературную дѣятельность жило въ немъ все это время. Послѣ первой части «Нови», встрѣченной въ печати и публикѣ холодно, онъ просилъ Полонскаго пріостановить свое окончательное сужденіе до появленія второй части и заявлялъ, что «во всякомъ случаѣ и какое бы ни сложилось рѣшительное мнѣніе публики, это уже, конечно, моя послѣдняя работа. Довольно, довольно». Онъ въ 1877 г. извѣщалъ Поля Линдау, что отложилъ перо съ намѣреніемъ никогда больше не брать его въ руки, и это рѣшеніе непоколебимо. Но къ концу семидесятыхъ годовъ устарѣлыя, одностороннія, предвзятая нападки на автора «Отцовъ и дѣтей» совершенно прекратились, и снова симпатіи всего, что было лучшаго въ русскомъ мыслящемъ обществѣ, обратились къ нему. Особенно восторженно относилась къ нему молодежь. Ему приходилось убѣждаться въ заслуженномъ вниманіи и тепломъ отношеніи общества почти на каждомъ шагѣ, и онъ самъ съ милой улыбкой внутренняго удовольствія говорилъ, что русское общество его *простило*. Эти вниманіе и отношеніе достигли своего апогея въ 1880 г. во время Пушкинскихъ празднествъ въ Москвѣ, когда каждое выступленіе его сопровождалось восторженными оваціями. Не только избраніе его въ почетные члены московскаго университета и заключительныя слова его рѣчи въ Обществѣ любителей россійской словесности о томъ, что настанетъ время, когда на вопросъ, кому поставленъ только-что открытый памятникъ, простой русскій человѣкъ сознательно отвѣтитъ: «учителю», — вызвали бурный взрывъ рукоплесканій и привѣтственныхъ криковъ, но то же самое повторялось съ особой силой и тогда, когда на литературномъ вечерѣ въ Дворянскомъ собраніи Писемскій снялъ съ бюста Пуш-

кина лавровый вѣнокъ и сдѣлать видъ, что возлагаетъ его на голову Тургенева. Въ средѣ своихъ лучшихъ представителей русское общество какъ бы вѣчало въ Москвѣ въ его лицѣ достойнѣйшаго изъ современныхъ ему преемниковъ Пушкина. Все это оживило Тургенева и вернуло ему прежнюю бодрость, не смотря на то, что онъ уже за нѣсколько лѣтъ раньше сравнивалъ себя и Полонскаго съ двумя черепками давно разбитаго сосуда. Уже въ началѣ 1881 года онъ пишетъ: «Я теперь снова намѣренъ работать. Сначала кончу «Отрывки изъ воспоминаній своихъ и чужихъ», а затѣмъ примусь за другую небольшую, но по содержанию драматическую вещь, которая вертится у меня въ головѣ. Литературная жилка во мнѣ зашевелилась. Неужели изъ стараго засохшаго дерева пойдутъ новые листья и даже вѣтви?»—Эти листья и вѣтви были: «Отчаянный», «Стихотворенія въ прозѣ» (*Senilia*) и «Клара Милчъ»—названные имъ въ письмѣ къ Пичу «последними вздохами старика».

Писательская судьба Тургенева и Достоевскаго была во многомъ сходная. Оба они имѣли обще признанный успѣхъ послѣ первыхъ своихъ произведеній, а затѣмъ и величайшій изъ романовъ Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе» былъ встрѣченъ поверхностными отзывами, злобнымъ шипѣніемъ и даже безсмысленными утвержденіями, что будто бы многострадальный авторъ «Мертваго дома» написалъ «доносъ на молодежь». И ему, подобно Тургеневу, пришлось долго ждать оцѣнки своихъ позднѣйшихъ произведеній и общаго восторженнаго признанія, съ необыкновенной силой проявившагося во время тѣхъ же Пушкинскихъ празднествъ въ 1880 г. Но затѣмъ судьба была болѣе жестока къ Тургеневу. Достоевскій умеръ почти сразу, страдая очень недолго, а къ Тургеневу подступилъ медленный мучительный недугъ, въ теченіе трехъ лѣтъ ежедневно все болѣе и болѣе явственно напоминая о близости могилы и давая осязательное основаніе тому страху смерти, который издавна мучилъ Тургенева. Еще въ 1872 году онъ писалъ Пичу: «Со мной идетъ все подъ гору, подъ гору, и вотъ она уже стоитъ — блѣдная, нѣмая, холодная, всепожирающая, вѣчная ночь». Та яма, пятно, могила, о которой онъ такъ потрясающе говоритъ въ «Старухѣ»—съ 1881 года «сама шла, ползла на него», неотвратимо и безъ остановки...

Страданія его особенно обострились съ начала 1882 года. Уже въ маѣ онъ пишетъ Полонскимъ: «Когда вы будете въ Спасскомъ, поклонитесь отъ меня дому, саду, моему молодому дубу, родинѣ поклонитесь, которую я, вѣроятно, уже никогда не увижу»; въ іюнѣ, называя себя «человѣкомъ похереннымъ» и «молюскомъ, ведущимъ жизнь устрицы», онъ проситъ утѣшить его присылкою сиреневаго цвѣтка изъ родного Спасскаго, а въ декабрѣ съ безнадежнымъ отчаяніемъ восклицаетъ: «Меня не только тянетъ, меня рветъ въ Россію». Съ этого времени письма его, среди трогательныхъ воспоминаній о родинѣ и теплыхъ заботъ о гостившихъ въ далекомъ Спасскомъ друзьяхъ, содержатъ въ себѣ описанія жестокихъ мученій, причиняемыхъ ему недугомъ. Тутъ цѣлый арсеналь пытокъ: и бессошница отъ боли, преодолеваемая лишь вспрыскиваніемъ морфія, и невозможность не только ходить, но и стоять болѣе нѣсколькихъ минутъ безъ помощи какой-то машинки, и разныя невыносимыя страданія въ груди, сердцѣ и печени. Болѣзнь, какъ коршунъ Прометея, все глубже и глубже вонзаетъ свой клювъ въ изможденное тѣло страдальца. И письма становятся все короче, отрывистѣе. Они пишутся уже не совсѣмъ разборчивымъ почеркомъ, вмѣсто яснаго и твердаго, карандашомъ или даже постороннею рукою. И все заканчивается письмомъ отъ 12 мая 1883 г. Вотъ оно: «Давно я не писалъ къ вамъ, любезные друзья мои, да и о чемъ было писать! Болѣзнь не только не ослабѣваетъ, она усиливается. Страданія постоянныя, невыносимыя, надежды никакой! Жажда смерти все растетъ, и мнѣ остается просить васъ, чтобы и вы съ своей стороны пожелали осуществленія желанія вашего друга. Обнимаю васъ всѣхъ». Но еще около трехъ мѣсяцевъ продолжала играть смерть со своей жертвой, какъ кошка съ мышью.

Если однако личная жизнь для Тургенева перестала существовать и обратилась въ сплошное страданіе, то мысли его оставались вѣрны тому высокому дѣлу творчества, которое было его призваніемъ. Римляне говорили: *Caesarem licet stantem mori!* Но и литература имѣетъ своихъ цезарей, и однимъ изъ нихъ былъ умиравшій Тургеневъ. Онъ выпрямился предъ кончиной во весь свой духовный ростъ и, уже отрѣшившись отъ всего личнаго, земного, обратилъ свою мысль на судьбы родного, дорогого ему слова. Собравъ послѣднія силы, дрожащею рукою, каран-

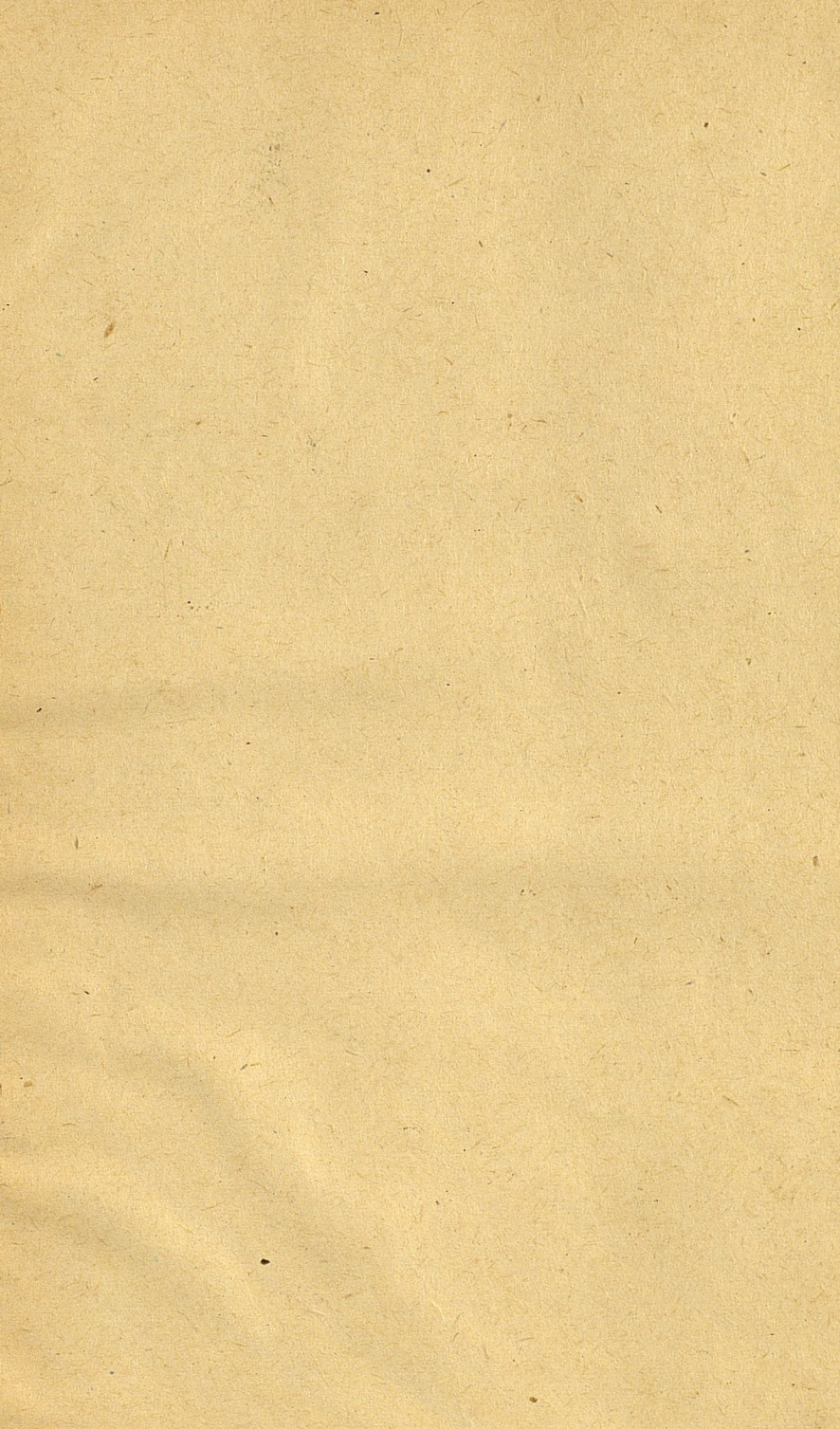
даюмъ написать онъ *послѣднее* свое письмо—письмо къ Льву Николаевичу Толстому: «Я былъ и есмь на смертномъ одрѣ; пишу собственно, чтобы сказать, какъ я былъ радъ быть вашимъ современникомъ, и выразить вамъ мою послѣднюю, искреннюю просьбу. Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности! Вѣдь этотъ вашъ даръ оттуда, откуда, все другое. Какъ былъ бы я счастливъ, если бы могъ подумать, что просьба моя такъ на васъ подѣйствуетъ! Я же человекъ конченный. Другъ мой! великій писатель земли русской—внемлите моей просьбѣ! Не могу больше, усталъ!»

22 августа онъ скончался въ Буживалѣ, потерявъ сознание за два дня до этого. Его лицо, по свидѣтельству очевидцевъ, приняло величавое спокойствіе смерти. Сдвинутыя брови придавали ему строгій видъ. Но вскорѣ къ нему вернулось его доброе и кроткое выраженіе лица. Мы не знаемъ, были ли связаны его послѣднія сознательныя минуты съ нѣжнымъ и искреннимъ, а не показнымъ вниманіемъ, но грустно думать, что около него не было родной души, не было близкаго русскаго человека, который на его: «не могу больше, усталъ!» отвѣтилъ бы утѣшительными словами лучшаго изъ его преемниковъ, тоже умершаго вдали отъ родины: «дядя Ваня, мы отдохнемъ!.. Мы отдохнемъ...»

Кончая и благодарно преклоняясь передъ памятью Тургенева за все, что онъ оставилъ намъ,—за все высокія и чистыя чувства, которыя онъ умѣлъ возбуждать,—за то неопѣнимое художественное наслажденіе, которое онъ далъ намъ вкусить въ своихъ незабвенныхъ твореніяхъ, я невольно обращаюсь съ мыслью и къ двумъ другимъ великимъ русскимъ писателямъ. Творенія Достоевскаго представляются мнѣ глубокой шахтой, прорытой въ самыя нѣдра человѣческой души, со сложными подземными ходами, въ концѣ которыхъ таится золото сердечныхъ движеній и слезы умиленія и сочувствія людскому несчастью. При мысли о Толстомъ мнѣ рисуется Сахара, которую путешественники описываютъ какъ знойную пустыню, гдѣ замираетъ жизнь и гдѣ, при наступающихъ сумеркахъ, къ молчанію смерти присоединяется еще и тьма. И тогда идетъ на водопой левъ и наполняетъ своимъ рыканіемъ пустыню. Ему отвѣчаютъ жалобный вой звѣрей, крики ночныхъ птицъ и далекое эхо... и пустыня оживаетъ. Такъ и съ этимъ Львомъ. Онъ можетъ иногда

заблуждаться въ своемъ гнѣвномъ исканіи истины. Но онъ заставляетъ работать мысль, нарушаетъ самодовольство молчанія, будить окружающихъ отъ сна и не даетъ имъ уснуть въ застоѣ болотнаго спокойствія. А Тургеневъ въ своихъ твореніяхъ напоминаетъ мнѣ готическій храмъ, глубоко заложенныя въ землю стѣны котораго стремятся вверхъ, чаруя взоръ своими цвѣтными лучистыми окнами, изящными пролетами и кружевной рѣзьбой, и, переходя въ стройныя башни, смѣло поднимаются въ ясное небо, въ небо возвышенныхъ стремленій, благородства мысли и чувства, въ небо нравственнаго идеала.

А. Э. Қони.

2010515562